

Враг будет разбит, победа
будет за нами!

общероссийская политическая газета
издается с 25 сентября 2012 г.

Суть времени

www.eot.su

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени»
Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения
можно по телефону 8-800-100-97-24 (звонок по России бесплатный), podpiska@eot.su

30 августа 2023 г.

№ 549

Продолжаем начатую в № 541 газеты публикацию статей из сборника «Украинство»

12 АНДРЕЙ
ШЕПТИЦКИЙ
И «ВОСТОЧНЫЙ
ПРОЕКТ» ВАТИКАНА

*Руський собор хотел
сначала пробудить
в галицийских русинах
враждебность к России.
А затем сподвигнуть
российских малороссов
встать на сторону
поляков и братьев-руси-
нов в борьбе с Россией*

Брестская уния 1596 года является крупнейшей попыткой перекодирования западнорусских православных и их отрыва от русского мира

Ольга Максимова

«Галицийский дух» и реальное содержание Брестской унии 1596 года

В расколе единой русской общности и оформлении обсуждаемого нами «украинства» немаловажную роль сыграли религиозные противоречия. Противопоставить русских, проживавших в Речи Посполитой, православному населению Российского государства помог униатский проект. Возникшая в результате заключенной с Римом унии грекокатолическая церковь, чьи священники в наши дни яростно поддерживают украинских неонацистов, стала важнейшим слагаемым так называемого галицийского духа.

Носители этого «галицийского духа» мнят себя единственными «истинными» украинцами — в отличие от «омоскаленной» части населения Украины. «Галицизм» — один из ключевых инструментов формирования очень специфической украинской идентичности. Идентичность эта предполагает создание яростно антиросийского, пылающего ненавистью ко всему русскому, субъекта.

«Галицийским духом» пропитано всё, что связано с Бандерой, его сторонниками и наследниками. Разумеется, невозможно свести нынешний бандеровский антирусский шабаш на Украине к воздействию одного лишь этого духа. Но не вызывает сомнения, что «галицизм» — это мощный фактор и что, помимо своего непосредственного воздействия, «галицийский дух» опосредованно активизировал и другие факторы. Соответственно, исследование этого феномена представляется сегодня крайне актуальным.

В годы перестройки галицийцы сыграли на Украине огромную роль в раскачивании сепаратистских настроений. В 1989–1990 годах местные власти всё больше поощряют национализм, появляются откровенно радикальные организации. Секретарь Львовского обкома КП Украины Вячеслав Секретарюк сообщал, что господствующей идеологией органов власти стала «идеология украинского национализма: произошла реабилитация «бандеровщи-

ны», что официально зарегистрированы партии, программными целями которых провозглашалась борьба за полный выход Украины из состава СССР и т. д. К тому времени на всем западе Украины возникли сепаратистские движения.

После развала Советского Союза «галицийцы» сразу заняли на Украине господствующее положение в идеологической сфере — а это, прямо скажем, совсем не мелочь. Нужно было стереть из памяти украинского народа всё позитивное, что было связано с советским периодом, а кто же справится с такой задачей, как не те, кто люто ненавидит не только всё советское, но и всё русское? Важно было не только расправиться с советским прошлым — еще важнее было сделать невозможным новый союз между Украиной и Россией в будущем.

«Галицизм» отравляло постсоветское украинское общество в течение многих лет. И когда в 2013–2014 годах, во время евромайдана, на политическую сцену открыто вышли преемники Бандеры, фактически не скрывавшие, что речь идет о реванше сил, потерпевших поражение в ходе Второй мировой войны, они не встретили должного отпора. Так «галицийцы» захватили уже не только идеологическую, но и всю власть в стране. И принялись уничтожать тех, кто не был готов поклониться «галицийскому духу». Так называемая АТО («антитеррористическая операция»), осуществлявшаяся с 2014 года в Донбассе и включавшая регулярные бомбежки мирных городов и поселков и террор нацбатов против жителей этих территорий, проходила под рукоплескания отнюдь не только представителей Западной Украины, давних носителей «галицийского духа».

Итак, «галицизм» — это важный элемент нацистского реванша, в том числе в его бандеровской ипостаси.

Продолжение на стр. 2

Петр Скарга

R.P. Petrus, Skarga
Societatis IESU, 311, Co-
legii Vindobonensis, An-
no institutae Aca-
demiae et Univer-
sitatatis Rector AD
1580. Vir generis
claritate, vitae sancti-
monia, Aplico zelo,
doctrinae praestantia,
editisq; variis doctri-
nae zeli et S-

ISSN 2500-0330

Clarissim,
vice 1612.9

772500033000

ВОЙНА ИДЕЙ

Продолжение. Начало — на стр. 1

В формировании «галицийского духа» огромную роль сыграла грекокатолическая (униатская) церковь. Но и униатство, в свою очередь, тоже было конструктором, созданным для решения определенных, очень масштабных, задач геополитического и метафизического характера. А потому встает вопрос о субъекте, столь настойчиво и целеустремленно реализующем свою волю, в том числе с помощью подобных инструментов.

Нам представляется важным обсудить истоки униатства, причем обсудить не только и не столько под историческим углом зрения, сколько под углом зрения собственно политическим. Ведь на наших глазах далекое прошлое вторгается в реальность самым разрушительным образом.

Оформила униатство Брестская уния 1596 года. Без этого события «галицийство» в нынешнем его виде не существовало бы. А потому рассмотрим подробно Брестскую унию, начав с детального обсуждения того, что можно считать ее предпосылками.

Истоки униатства и обоснование его необходимости

Уния (от лат. unio — единение, союз) — это договор об объединении православной церкви с католической под властью папы римского.

Почему вообще встал вопрос о необходимости такого объединения?

На рубеже нашей эры Римская империя простирала свою власть на огромные территории в Европе и Средиземноморье. Империя располагала отлаженным механизмом государственного управления и хорошо организованным войском. Она постоянно расширялась, завоевывая всё новые территории. В имперский период Рим, находившийся на пике своего могущества, переживал золотой век искусства и культуры. Однако за периодом расцвета последовал период упадка.

Пытаясь вдохнуть новую жизнь в угасающую империю, в 325 году император Константин I созвал Никейский собор, ставший первым вселенским собором в истории христианства. До этого христи-

ане подвергались в Римской империи гонениям. Результатами Никейского собора стали принятие Никейского символа веры, согласно которому Бог Сын «единосущен Отцу», осуждение арианства и других ересей, окончательное оформление отделения христианства от иудаизма. Христианство стало государственной религией Рима, но это уже не спасло империю.

В 395 году Римская империя распалась на две части: Западную с центром в Риме и Восточную с центром в Константинополе. Во главе каждой из них встал свой император. Западная и Восточная империи конкурировали между собой.

Опишем, какие обстоятельства повлияли на характер каждой из двух образовавшихся империй.

На момент распада Римской империи в ней существовало пять христианских религиозных центров. Во главе этих центров стояли патриархи — епископы Рима, Александрии, Антиохии, Константинополя и Иерусалима. При разделе к Западной Римской империи отошел только один из пяти центров — римский, а к Восточной — четыре остальных. Таким образом, римский епископ смог выстраивать свою политику единолично, а константинопольский патриарх, хоть и занимал первое место среди всех восточно-римских епископов, был всё же одним из четырех, а не единственным. Это во многом обусловило централизованный характер римской церкви и принцип соборности в православии.

В 410 году Рим был взят вестготами. А в 476 году вождь германцев Одоакр сверг последнего императора Западной Римской империи Ромула Августа, и на этом многовековое владычество Рима завершилось.

Восточная Римская империя продолжала существовать еще тысячу лет. Отметим, что ее второе название — Византийская империя (по древнему названию Константинополя — Византий), хоть и появилось в трудах римских историков сразу же после ее возникновения, но всерьез закрепилось в западноевропейской историографии лишь через сотню с лишним лет после распада этой империи. Сами же ее подданные, называвшие себя римлянами (по-гречески «ромеями»), такое название никогда не употребляли.

После падения Западной Римской империи на ее территориях, завоеванных

германскими племенами, сформировалось множество отдельных феодальных государств. В последующие годы римская церковь занималась решением сложнейшей задачи духовного объединения разрозненных территорий бывшей Западной Римской империи. Формируя единое смысловое пространство, она придавала ему черты единой западноевропейской цивилизации.

Решение такой суперсложной задачи отчасти облегчалось тем, что на Западе не было других крупных христианских религиозных центров, кроме римского. Со временем римская церковь стала мощной разветвленной структурой с единым центром власти. А далее папы начали претендовать на то, чтобы светская власть признала первенство власти церковной, и принялись активно участвовать в формировании политической карты Европы.

Единство же Восточной Римской империи — Византии — в течение длительного времени обеспечивал именно император. Константинопольский патриарх, находясь в непосредственной близости и в зависимости от императора, обладал меньшей самостоятельностью, чем папа римский. Кроме того, все важные решения патриарх должен был принимать с учетом позиций трех других христианских центров — Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского. Кстати сказать, это обстоятельство обеспечило в дальнейшем гораздо большую консервативность православия по сравнению с католицизмом, который легче шел по пути различных нововведений.

Несмотря на нараставшие противоречия, до 1054 года христианская вселенская церковь оставалась единой. К расколу на западную (римско-католическую) и восточную (православную) церковь подтолкнули множественные разногласия между римским папой и константинопольским патриархом. Оба претендовали на главенство в христианском мире.

Обоснованием раскола послужили собственно конфессиональные разногласия. Они делятся на три типа: догматические, обрядовые и канонические.

Основным догматическим разногласием был знаменитый спор об исхождении Святого Духа, или спор о «филиокве» (лат. Filioque — «и от Сына»). Спор состоял в том, исходит ли Святой Дух только от Бога Отца (на чем, следуя догматическим определениям Второго вселенского собора,

изложенным в Никео-Цареградском символе веры в 381 году, настаивала восточная церковь) или же «и от Сына» (на чем настаивала западная церковь).

Обрядовые разногласия состояли в том, что западная церковь настаивала на необходимости для духовенства целибата (обета безбрачия), а также на необходимости поста в субботу и причащения только пресным хлебом, в то время как восточная церковь это отвергла.

Главное каноническое разногласие касалось учения западной церкви о главенстве римского папы над всей церковью. Проблема Петра обсуждается христианской церковью на протяжении многих веков. В католичестве Петра бескомпромиссно принято воспринимать как главного апостола и руководителя раннехристианской церкви. В восточной же традиции по этому вопросу еще до оформления раскола были различные мнения. Ряд религиозных авторитетов указывал на то, что Рим считался главным городом христианства не из-за апостола Петра, а потому что это был центр политической жизни империи. Наследниками же Петра считались все епископы, а не только римский. При этом другие религиозные деятели восточного христианства полагали, что Петр всё-таки был лидером раннехристианской церкви.

После раскола католики настаивали на том, что их лидерство обусловлено именно фактом наследования Петру. Поэтому в XI–XII веках большинство восточных иерархов приняли позицию, согласно которой Петр не был главным среди апостолов.

Все эти непреодоленные разногласия и послужили основанием для раскола в 1054 году. Патриарх Константинопольский Михаил Керуларий и легат папы Льва IX кардинал Гумберт предали друг друга анафеме. И с этого момента каждая из образовавшихся церквей стала считать себя единственной истинной церковью.

Необходимость унии, то есть восстановления изначального единства христианской церкви, католики всегда обосновывали тем, что это было безусловным благом для обеих частей христианского мира. Однако ключевым требованием всех унионных проектов — а выдвигала их всегда именно западная церковь — являлось требование признать главенство папы римского и католическую догматику. Нетронутым, как правило, предлагалось оставить только православное богослужение. Поэтому православные справедливо рассматривали унионные проекты как форму римской экспансии, полагая, что католики вовсе не стремятся заключить православных в братские объятия, а речь идет о подавлении и подчинении. История показала, что они не ошибались.

Распространение влияния римско-католической церкви на восток в X–XIII века

Западная церковь пыталась втянуть Русь в орбиту своего влияния как до церковного раскола 1054 года, так и после него.

В X веке князя Владимира Киевского, решившего принять христианство, одновременно склоняли на свою сторону и константинопольский патриарх, и римский папа. Последний не оставал своих намерений и после 988 года, когда Владимир уже выбрал византийскую церковь. Послы пап на протяжении столетий приезжали к русским правителям с различными предложениями о сотрудничестве.

Контактам между католиками и православными стремилась воспрепятствовать часть православного духовенства. В первую очередь иерархи русской церкви старались воздействовать на княжескую аристократию, в целом склонную заклю-

Шествие в Киеве: «Бандеровская армия должна уничтожить Москву!» 2020 (фото: В. Озиренко)

ВОЙНА ИДЕЙ

Давид Обер. Нападение крестоносцев на Константинополь в 1204 году. XV век

чать династические браки с «латинянами». Ярким примером такого воздействия считается послание преподобного Феодосия Печерского, православного монаха XI века, одного из основателей и игумена Киево-Печерского монастыря, к киевскому князю Изяславу Ярославичу. Феодосий Печерский призывает князя «*вере же латиньской не прилучатися, ни обычая их держати... своих же дочерей не даяти за не*». Дабы отвести князя от дружбы с католиками, Феодосий обвиняет последних не только в нарушении обрядов, но даже в том, что они якобы едят с псами и кошками и употребляют в пищу бобровые хвосты.

Настоящая стена между двумя церквями встала, однако, только тогда, когда римокатолики, пользуясь современной терминологией, перешли красную линию и стали восприниматься православными греками, а вслед за ними и остальным православным миром, как захватчики.

Произошло это в ходе Четвертого крестового похода, состоявшегося в 1202–1204 годах. Крестоносцы, отправившиеся освобождать Святую Землю от «неверных», уже во время похода изменили свои планы. Денег на аренду кораблей у Венеции у них не хватило. А между тем в это время в Константинополе разворачивалась борьба за власть. И крестоносцы, давно засматривавшиеся на богатство византийской столицы, решили «оказать помощь» в восстановлении законной власти. Венецианцы, давние экономические конкуренты Византии на море, охотно их в этом поддержали. Крестоносцы получили венецианские корабли, помогли совершить очередной переворот в Константинополе, но спустя некоторое время рассорились с новым императором. Тогда крестоносцы заключили договор с Венецией о разделе византийских земель и разгромили столицу Византии. При этом рыцари расправились с Константинополем крайне жестоко. По свидетельству очевидца, «*сгорело домов больше, чем их имеется в трех самых больших городах королевства Франции*».

Несмотря на то что, судя по всему, крестоносцы действовали по собственной инициативе, а не по распоряжению римской курии, католические иерархи не замедлили воспользоваться сложившейся ситуацией. В образованную на месте Византии Латинскую империю пришли латинские же священники и епископы, требовавшие для себя привилегий и особого положения.

Рим быстро распространял свое влияние в Европе. Власть папы признали английский король Иоанн Безземельный, короли Арагона и Португалии, царь Болгарии. В Германии и многих других государствах, образовавшихся на обломках Западной Римской империи, к папе обращались за разрешением межгосударственных конфликтов, будь то территориальные, личные или иные споры.

Падение Константинополя подогрело интерес Рима к грекоправославным землям, включая Русь. Однако попытка силой овладеть землями Северо-Западной Руси натолкнулась на неожиданное для папского престола ожесточенное сопротивление новгородского князя Александра Ярославича, получившего прозвище Невский за победу над шведскими рыцарями на Неве в 1240 году. Два года спустя Александр освободил Псков от немецких «псов-рыцарей». В том же 1242 году Александр Невский одолел Ливонский орден в битве на Чудском озере — знаменитом Ледовом побоище.

Оказавшись между двух огней — Ордой с юга и католическими орденами с запада — князь из двух зол выбрал Орду, поскольку татаро-монголы хотя бы не посягали на национально-религиозную идентичность русского народа. Тем самым он, возможно, и заложил основы того особого, альтернативно-европейского пути развития России, о котором много говорили русские поэты и мыслители и за который нашу страну так ненавидят на Западе даже в XXI веке.

А вот современник Александра Невского князь Юго-Западной Руси Даниил Галицкий, оказавшись в сходной ситуации, попробовал пойти противоположным путем: решил довериться в борьбе против Орды западным «союзникам».

Положение Даниила было действительно тяжелым: это и междоусобные споры за княжеский титул в самом Галицко-Волынском княжестве, и постоянные претензии на его территорию соседних властителей — польских князей и венгерских королей, и необходимость усмирять своих вассалов — галицких бояр. Кроме того, сохранялась угроза половецких набегов. Вдобавок в 1240 году пришли татаро-монголы под предводительством хана Батыея. А в 1252–1255 годах Орда организовала несколько походов против Галицко-Волынского княжества. В этот сложный период князь и принял условия римской курии, о которых мы скажем чуть позже.

Однако это не помогло Даниилу оградить свои земли от монголо-татар. И уже в 1258 году Бурундай вторгся в Галицко-Волынское княжество.

Необходимо добавить, что на решение Даниила Галицкого могли повлиять и сведения о ведущихся переговорах между византийской знатью, потерявшей значительную часть своих территорий, и Римом. Отечественные историки Б. Н. Флоря, В. Т. Пашуто, А. В. Майоров отмечают параллельность этих переговоров. Надо сказать, что после разгрома крестоносцами Византийской империи крупнейшим византийским государством, возникшим на ее территории, стало Никейское царство. Его правители считали себя правителями Византийской империи. Тогдашний никейский император Иоанн III Дука Ватац был готов согласиться на унию с католиками и признание главенства папы римского на условиях возвращения Константинополя, отъезда оттуда латинского духовенства и восстановления вселенского патриархата. В ответ никейцы соглашались предоставить папе римскому право созывать вселенские соборы, быть на них председателем и даже принимать присягу от православного духовенства. К тому же никейский император брал на себя обязательство выполнять все указы папы — с весьма обтекаемой оговоркой, что эти указы не должны противоречить священным канонам.

Таким образом, Даниил Галицкий и никейский император параллельно вели переговоры с Римом об унии, в которых оба они рассчитывали на военно-политическую помощь западных союзников.

После нескольких месяцев колебаний Даниил Галицкий согласился на объединение церквей в обмен на военную помощь против Орды. В 1253 году папа римский Иннокентий IV поручил своему легату короновать Даниила в городе Дорогочине. Во время коронации Даниил Галицкий принял в присутствии и при одобрении местного русского духовенства «*от отца своего папы Некентия и от всех епископов своих*» титул «*короля Руси*».

В Ипатьевской летописи в рассказе о коронации Даниила также говорится о намерении римского папы Иннокентия IV («Некентия», как его называет летописец) признать «греческую веру» и созвать вселенский собор для объединения церквей: «*Некентии бо кляняше тех, хулящих веру Грецкую правоверную, и хотящу ему сбор творити о правои вере о воединении цркви*».

Папа римский даже начал призывать католиков к крестовому походу против татаро-монголов в помощь единоверцам.

Однако в 1254 году умерли и Иоанн III Дука Ватац, и Иннокентий IV. А вот с новым папой Александром IV у Даниила Галицкого отношения не сложились. Князь сам не принял католичество и не стал усердствовать в его распространении на своих землях. И в 1255 году Александр IV разрешил литовскому правителю Миндовгу, принявшему католичество, воевать против Даниила.

Как мы видим, выбор Даниила Галицкого в пользу союза с Римом не принес блага его землям. Галицко-волынские территории оставались в зависимости от Орды. Князь и его наследники еще не раз совместно с монголо-татарами участвовали в военных походах против Польши и Литвы.

Несмотря на это, Даниил стал своеобразным символом для сторонников унии. Те, кто хотел использовать униатский проект для отрыва Украины от России, всегда указывали на «короля Руси» как на правильный исторический образец. При этом всегда рассказывалось о соглашении князя с папой римским, но не сообщалось о безрезультативности этого шага.

Лионская и Флорентийская унии

Первая церковная уния между православными и католиками на условиях подчинения Риму была заключена в 1274 году на Втором Лионском соборе. Известна она как Лионская уния.

Причиной, по которой греки снова согласились пойти на поклон к Риму, оказалось всё то же желание любыми путями удержать власть.

Как ни парадоксально, началось всё с победы византийцев. В 1261 году император Михаил VIII Палеолог восстановил Византийскую империю. К тому времени основанная крестоносцами в 1204 году после разграбления Константинополя Латинская империя пришла в сильный упадок, чем и воспользовался небольшой отряд никейских войск, взявший летом 1261 года Константинополь. Михаил VIII, первый правитель династии Палеологов, торжественно вступил в город и там вторично короновался.

Однако былого величия Византия так уже никогда и не смогла достичь. Михаилу VIII приходилось лавировать между борющимися за господство на Средиземном море Венецией, Генуей и Сицилией. В начале 1270-х годов наиболее опасным противником Византии стал король Сицилии Карл I Анжуйский. Последний император Латинской империи Балдуин II передал ему права на часть территорий, принадлежавших ранее Латинской империи. Карл начал готовить поход на Византию.

Весной 1274 года Михаил решил заручиться поддержкой Рима. Он вступил в переговоры с папой Григорием X, а тот пообещал свою поддержку в обмен на заключение унии. И основатель последней императорской династии Византии пошел на предательство веры отцов.

На Втором Лионском соборе от имени Михаила Палеолога великий логофет Георгий Акрополит подписал акт об унии, в соответствии с которым папа получал верховенство над всей христианской церковью, высшую юрисдикцию в канонических вопросах, а догмат о филиокве прибавлялся к Символу веры.

Попытка ввести тогда унию потерпела провал. Помощь, оказанная Римом, была невелика. Правда, после подписания унии папа Григорий X призвал Карла Анжуйского отложить на время поход на Констан-

ВОЙНА ИДЕЙ

Продолжение. Начало — на стр. 1–3

тинополь. При этом население Византии отказалось принимать насильственно навязанную унию, и уже сын Михаила Палеолога, Андроник II, принял решение ее аннулировать.

Отметим, что Лионскую унию считают крупной неудачей даже сами униаты. Так, в XX веке глава украинских грекокатоликов Андрей Шептицкий дал ей такую оценку: «Если взглянуть на крупные события в истории унии, то придется почти всюду констатировать, что наиболее мощные унионные устремления католической Церкви обычно имели своим следствием лишь то, что отталкивали от себя целую массу разделенных. О церковном соборе в Лионе (1274) следует, к сожалению, сказать то же самое. <...> Собор в Лионе исторически, хронологически и идеологически так трагично связан с завоеванием Царьграда (т. е. Константинополя. — Авт.) латинянами, что никак не мог оставить по себе добрых воспоминаний у греков».

Как мы увидим ниже, этот отрицательный опыт будет осмыслен Римом. Почву для последующих унионных проектов будут тщательно готовить специально созданные ордена, умело осуществляющие на подлежащей захвату территории дипломатическую и пропагандистскую работу. Основными инструментами при этом останутся подкуп местных элит властью и богатством — и подчинение православного населения с грубым ущемлением его прав.

Второй крупной унионной попыткой стала Флорентийская уния 1439 года.

К началу XV века основным противником Византии становится Османская империя. Османы постоянно осаждали Константинополь и разграбляли византийские владения. В 1430 году османские войска

захватили и разграбили Салоники, обратив население в рабство.

Католики отказывались помогать православным христианам. Расчет был на то, что византийцы окажутся вынуждены пойти на унию в обмен на поддержку против турок. Так и произошло. Правда, сначала православные иерархи почему-то считали, что с ними будут разговаривать как с равными, и что им удастся склонить католиков к догматическим уступкам.

В 1433 году грек Исидор прибыл по повелению византийского императора Иоанна VIII Палеолога на Базельский собор для предварительных переговоров о воссоединении церквей.

А летом 1435 года в Москве узнали о том, что в Литве по приказу великого князя Свидригайло казнен митрополит Киевский и всея Руси Герасим. Великий князь Московский Василий II выдвинул кандидатом на Русскую митрополию епископа Рязанского Иону и отправил в Константинополь для посвящения в сан. Однако, когда Иона прибыл в Византию, выяснилось, что константинопольский патриарх Иосиф II, поддерживавший византийского императора Иоанна VIII в его намерении заключить унию с Римом, уже посвятил в сан митрополита Киевского и всея Руси грека Исидора. Грекам представлялось, что таким образом будет обеспечено участие Русской церкви в соединении западной и восточной церквей.

Василий II был возмущен назначением Исидора, но счел тогда за лучшее сдержаться и признать его законным главой Русской церкви. Ионе же пообещали, что после кончины Исидора он непременно унаследует митрополию.

Греческие иерархи высоко ценили ум и образованность Исидора и надеялись, что он сумеет убедить латинян пойти

при заключении унии на догматические уступки.

Однако латиняне не собирались ни в чем уступать и вели себя оскорбительно. Прибыв в 1438 году на собор в Феррару, «греческие иерархи испытали несколько оскорблений от латинян. Так, папа требовал, чтобы патриарх Иосиф при встрече с ним поцеловал, по латинскому обычаю, его туфлю, и только после решительного отказа со стороны Иосифа оставил свое требование».

В ходе собора в Ферраре развернулись жаркие споры по поводу филиокве, главенства папы римского и прочих принципиальных вопросов, ставших в свое время причиной разделения западной и восточной церквей. Часть греческих епископов и прежде всего представитель патриарха Иерусалимского митрополит Марк Эфесский твердо отстаивали православные догматы.

Собор затянулся и в январе 1439 года был перенесен во Флоренцию. Там против греческих иерархов использовали нечистоплотные методы, в том числе им сначала прекратили выдачу положенных средств, а затем посулили золото и саны за отступничество. «Не видя толку от догматических препирательств, в которых одна сторона тщетно ожидала уступок от другой, папа предложил грекам крутую альтернативу: или принять к Пасхе 5-го апреля всё латинское вероучение, или уезжать обратно. Пущено было в ход и золото. Несчастные греки колебались», — пишет историк русской церкви А. В. Карташев. — *Наиболее податливые из них специально приглашались к папе и оттуда возвращались поборниками соединения. Отступление началось с русского митрополита Исидора и никейского Виссарiona. Они склонили на уступки царя и умиравшего патриарха Иосифа. Затем путем разных притеснений и давлений были вынуждены на унию и все остальные греческие иерархи, кроме Марка Ефесского. 5-го июля 1439 г. они подписались под актом унии, по их собственным словам, «со стенанием и плачем в глубине сердца».*

Как отмечает специалист по истории русской церкви В. И. Петрушко, давление на византийских участников собора со стороны папы римского и византийского императора, заинтересованного по политическим мотивам в скорейшем заключении унии, привело к тому, что, проявив сначала уступчивость в вопросе о филиокве, греки вскоре сдали и все остальные позиции, по которым ранее пытались вести богословскую дискуссию.

Папа Евгений IV при этом жестко поставил вопрос о необходимости устранить любые вероучительные разногласия. Это означало, что византийцы также должны были признать католическое учение о чистилище, традицию совершения литургии на опресноках, учение о пресуществлении во время литургии хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы при произнесении слов Христа «сие есть Тело Мое» и «сия есть Кровь Моя».

Помимо этого, византийцев обязали признать главенство папы над единой церковью. В окончательном соборном документе об унии декларировалось, что папа римский является «треемником блаженного апостола Петра, князя апостолов, истинным викарием Христа, главой всей Церкви, отцом и учителем всех христиан», получившим через апостола Петра от самого Христа всю полноту власти над вселенской церковью.

Отметим, что это еще одно яркое подтверждение того, что Рим никогда не хотел объединяться с православной церковью на равных, а лишь при условии безоговорочного подчинения. Единственное, что византийцы сохранили из наследия православной церкви после подписания Флорентийской унии, — это, да и то частично, ее восточный богослужебный обряд.

Однако, как уже отмечалось выше, не все православные епископы подписали унию. Кроме Эфесского митрополита, ее не подписал в числе прочих митрополит Анхиальский Софроний, грузинский митрополит Григорий притворился сумасшедшим, а епископ Ставропольский Исаия успел сбежать. Папа Евгений IV, узнав об отказе Марка Эфесского, сказал: «Мы ничего не сделали».

Слова папы вскоре подтвердились. Многие греческие епископы дезавуировали свои подписи после возвращения с собора. Поставленный императором взамен скончавшегося Иосифа II патриарх-униат Митрофан так и не смог навязать унию византийцам.

Унию не приняли ни миряне, ни основная часть духовенства. Тем не менее митрополит Киевский и всея Руси Исидор, приложивший большие усилия для подписания Флорентийской унии, был вознагражден. Сразу же после собора папа возвел его в сан кардинала-пресвитера и отправил легатом в земли Литвы, Ливонии, Руси и Польши. В Польше новоиспеченный кардинал-пресвитер был тепло принят.

Совсем иной прием ожидал Исидора в Москве. По прибытии он отслужил литургию в Успенском соборе, во время которой зачитал буллу папы римского Евгения IV об объединении церквей.

После этого по инициативе Василия II в Москве созывается церковный собор для оценки заключенной унии. Московский собор 1441 года единогласно отверг унию.

Исидора поместили под стражу в Чудов монастырь. Ему, впрочем, вскоре удалось бежать. Впоследствии он обосновался в Риме.

Итак, Московский собор отверг унию, но при этом Москва находилась в зависимости от константинопольского патриарха-униата.

В 1443 году ситуация стала еще более запутанной: прошедший в Иерусалиме собор во главе с патриархами Александрийским, Антиохийским и Иерусалимским отлучил приверженцев унии от церкви.

А в 1448 году собравшийся снова Московский собор русского духовенства без согласования с константинопольским патриархом-униатом поставил митрополитом Киевским и всея Руси взамен бежавшего Исидора вышеупомянутого епископа Рязанского Иону.

Магистр богословия Московской духовной академии протоиерей В. А. Цыпин отмечает: «Акт этот не мыслился тогда как введение принципиальной новизны в устройство управления Русской Церкви. Святитель Иона был поставлен митрополитом без благословения Константинопольского Патриарха, потому что новый патриарх (сменивший поставленного папой патриарха Митрофана. — Авт.) Григорий Мамма оставался в унии».

То есть Русская церковь пошла на этот шаг не потому, что стремилась обрести автокефальный статус, выйдя из подчинения Константинополю. А потому, что не хотела содействовать распространению униатства, вступая во взаимодействие с патриархом-униатом.

Автокефалия православной церкви как следствие Флорентийской унии

Византия между тем переживала свои последние дни.

В 1450 году патриарх-униат Григорий III Мамма сбежал из Константинополя из-за неприятия народом унии.

Год спустя Константин XI вновь начал переговоры с Римом об унии, а в соборе св. Софии даже были оглашены положения Ферраро-Флорентийского собора. Но это не спасло императора.

См.: В. Чориков.

Икона в Ферраре.

Икона в Иоанн. М. Манюков.

Борис Чориков. Великий князь Василий Темный отвергает соединение православной церкви с латинской. 1836

ВОЙНА ИДЕЙ

Византийская империя пала в 1453 году. С этого момента центром православия становится Москва.

Надо сказать, что поначалу юрисдикция митрополита Киевского и всея Руси Ионы распространилась и на земли Западной Руси. В 1449 году литовский князь Казимир IV заключил мирный договор с Василием II. А в 1451 году Казимир издал грамоту о том, что в управлении Ионы находятся все православные епархии Литовского княжества. Но уже в 1458 году литовский князь поддержал предложение папы Каллиста III по созданию Киевской митрополии, независимой от Москвы.

Константинопольский патриарх-униат Григорий Мамма, находясь в Риме, назначил митрополитом Киевским Григория Болгарина — ученика бежавшего из Москвы Исидора. Власть Григория Болгарина, поддержанного Казимиром IV, распространилась также на епархии Западной Руси. Он получил титул митрополита Киевского, Галицкого и всея Руси.

Феодосий же — преемник митрополита Киевского и всея Руси Ионы, скончавшегося в 1461 году, — носил уже титул митрополита Московского и всея Руси, то есть стал первым московским митрополитом, которого утвердил московский князь без оглядки на константинопольского патриарха.

Сам Григорий Болгарин, которого не приняла большая часть его паствы, в 1469 году, не выдержав изоляции, вернулся в православие. Но дело было сделано: Русская митрополия необратимо разделась на Киевскую и Московскую.

Таким образом, итогом Флорентийской унии стало не воссоединение разделенных церквей, а разделение православных. Сначала произошло вынужденное отъединение Русской церкви от Константинопольского патриархата, возглавляемого униатом. А затем Русская митрополия, вышедшая из подчинения Константинополю, разделась на Московскую, сохранившую независимость от Константинополя, и Киевскую, вернувшуюся под юрисдикцию Константинополя.

При этом на тот момент униатство всё же еще не имело на территории Киевской митрополии широкого распространения. Распространилось оно позднее, и значительно лепту в это внесла Польша.

Реформация

Брестская уния была заключена в 1596 году в Речи Посполитой, которая представляла собой федерацию Королевства Польского и Великого княжества Литовского. Уния являлась попыткой подчинения католической Польше православного населения федерации, прежде всего православных, живших в Литве.

Но желание «окатоличить» православных было не единственной предпосылкой для заключения Брестской унии. Дело в том, что на историческую арену в это время вышла новая сила — протестантизм, ставший для находившейся в кризисе католической церкви серьезной угрозой.

Основателем протестантизма является христианский богослов Мартин Лютер. В 1517 году Лютер впервые открыто выступил против широко распространенных церковных злоупотреблений, что сделало его популярным в народе. Лютер также отрицал догмат о непогрешимости папы, в частности, ссылаясь на отсутствие такового в восточной церкви.

В Польше протестантизм распространился уже в 1520-е годы, а в следующем десятилетии проник и в Литву. Попытки тогдашнего польского короля Сигизмунда I остановить его распространение строгими запретительными мерами, вплоть до угрозы смертной казни, оказались тщетными: новая религия захватывала умы столь

стремительно, что казнить ее приверженцев, ввиду их массовости, было бесполезно.

Дополнительную популярность протестантизму в глазах знати придавала независимость от власти папы. Протестантизмом увлекся и будущий король Сигизмунд II Август. Дело дошло до вступления Сигизмунда Августа в личную переписку с отцами-основателями протестантизма — Лютером, Меланктоном, Кальвином. Лютер даже посвятил ему свой перевод Евангелия на немецкий язык.

Важным оружием протестантов, делающим их привлекательными в глазах народа, было просвещение (протестантская литература издавалась на польском, литовском и русском языках), устройство школ, а также более высокая богословская подготовка проповедников в сравнении как с католическими, так и с православными священниками Польши и Литвы.

Самым распространенным течением протестантизма на территории Речи Посполитой стал кальвинизм. Он был притягателен не только для простонародья, но и для шляхты, которую устраивал кальвинистский акцент на общине, поскольку главной общины являлся владетель поместья, где та располагалась.

Популярность протестантизма среди православных Речи Посполитой объяснялась специфическими условиями, в которые их поставили правители династии Ягеллонов. По условиям Городельского постановления 1413 года православные оказывались гражданами второго сорта и не могли занимать в государстве высшие должности. При этом церковные должности раздавались властителями людям «за деньги или в награду за военные и гражданские заслуги», что ожидало при вело к обширной коррупции. Так что в результате православное духовенство находилось в ничуть не меньшем кризисе, чем католическое.

Социальная дискриминация, насильственная колонизация, а также недостатки православного духовенства привели к тому, что часть православных устремилась в протестантизм. Явление это стало массовым среди православной знати. Уже упоминавшийся историк А. В. Карташев указывает, что подобные устремления можно выразить формулой «*опротестантимся, чтобы не облатиниться и не ополячиться*».

Таким образом, протестантизм представлял для католической церкви двойную угрозу. Во-первых, он стал конкурентом католицизма в деле вовлечения православных в свою орбиту. А во-вторых и в-главных, он в целом угрожал существованию католической церкви, переживавшей кризис.

Фактически католическая церковь оказалась перед выбором: либо дать Реформации решительный ответ, либо смириться с собственным угасанием.

И католическая церковь сумела дать ответ. Этим ответом стала Контрреформация, основы которой были сформулированы на Тридентском соборе.

Католический ответ на вызов Реформации и орден иезуитов

Тридентский собор, открывшийся по инициативе папы Павла III 13 декабря 1545 года в Тренте (он же Тридент — лат. Tridentum), считается одним из важнейших соборов в истории католической церкви. Он оказался очень продолжительным — его работа завершилась лишь в начале декабря 1563 года.

Значительный вклад в формирование решений, принятых в итоге на Тридентском соборе, внесли богословы-иезуиты. Официально этот орден назывался Обществом

Иисуса. Многие исследователи его истории считают, что именно иезуиты стали главной движущей силой Контрреформации. Так, Теодор Гривингер писал: «С появлением ордена иезуитов... мир с изумлением увидел, каких неизмеримо великих достижений может добиться небольшое общество, коль скоро его возглавит человек с железной волей, никогда не теряющий из виду цели и объекта, к которым он стремится. <...> Повсюду, где возникал спор по вопросам религии... везде, где старая вера боролась с новой, появлялись послы Лойолы... с их мудростью, красноречием, с их рвением и энергией. <...> [Они] побеждали практически повсеместно, тем самым завоевывая себе твердые позиции».

Линию, проводимую иезуитами, Гривингер описывал так: «Кто, например, защищал на Тридентском соборе с величайшим рвением те притязания и злоупотребления папства, которые даже добросовестные католические историки называют «экстравагантными»? Разве это были не иезуиты Лайнес, Сальмерон и Кувильон? Кто сопротивлялся с таким умением идее церковных реформ, столь единогласно требуемых всеми, в том числе касающихся злоупотреблений, из-за которых на римский престол повсюду взирали с ужасом? Только они, и всегда они. Кто защищал неограниченную власть пап на коллоквиуме в Пуасси, а также повсюду, где только в ней сомневались, и ставил ее даже выше вселенских соборов? Кто с такой же энергией защищал ее, с таким красноречием и так успешно, как члены Общества Иисуса? А раз оно так действовало, не было ли бы и со стороны пап величайшей неблагодарностью, если бы они не делали всё, что только было в их власти для возвышения ордена и прумножения его коллегий, семинарий, резиденций, новициатов?»

Официальной датой рождения ордена иезуитов принято считать 27 сентября 1540 года, когда Общество Иисуса было утверждено в Риме папой Павлом III. Как мы увидим ниже, орден получил от папского престола чрезвычайно широкие полномочия.

Но кто создал Общество Иисуса, структуру, которая смогла в дальнейшем решить сложнейшую задачу — остановить стремительное распространение про-

тестантизма в Европе? Ведь папа утвердил уже созданную структуру, но не являлся непосредственным ее создателем.

Основателем ордена иезуитов был Игнатий (исп. Игнасио, имя при рождении — Иньиго) Лойола.

Лойола родился в 1491 году в одном из знатных баскских родов Испании, самой католической из всех католических стран той эпохи.

Родители мальчика умерли рано. После этого над 14-летним Лойолой взял опеку его родственник, королевский казначей Хуан Веласкес де Куэльяр. Лойола оказался пажом при дворе «католических королей» Фердинанда II Арагонского и Изабеллы I Кастильской. Отметим, что титулы «католических королей» папский престол присваивал тем монархам, которые пользовались его особым доверием.

Лойола жил в бурное время. Династический брак Фердинанда и Изабеллы — представителей арагонской и кастильской династий — положил начало объединению Испании. На период их правления приходится завершение Реконквисты. Падение в 1492 году Гранадского эмирата означало окончание 780-летнего арабского присутствия на Иберийском полуострове. В том же году Христофор Колумб впервые вступил на территорию американского континента и объявил эти земли владениями Испании.

Одним из событий, определивших лицо рассматриваемой нами эпохи, стало падение Византии в 1453 году. Данное событие оказало значительное влияние и на становление европейского Возрождения. Бежавшие в Европу византийцы привезли с собой библиотеки, содержавшие множество книг, неизвестных до тех пор европейцам. Это способствовало тому, что сначала в городах Италии, а затем и повсеместно в Европе возник интерес к античности, а также к идеям гуманизма и антропоцентризма. Что в свою очередь породило усиление критики католической церкви.

Ответом на эту критику стало резкое усиление в Испании при «католических королях» роли инквизиции — «Святого отдела расследований еретической греховности».

Важнейшим орудием инквизиции стала вооруженная организация по охране

Продолжение на стр. 8

Игнатий Лойола

ВОЙНА ИДЕЙ

Продолжение. Начало — на стр. 1–5

порядка — «Святая Эрмандада» («Святое братство»).

«Святая Эрмандада» возникла в кастильских городах еще в XII веке для борьбы с разбоем, в том числе и со стороны рыцарей. Фердинанд же преобразовал ее в хорошо организованную, обладавшую огромными полномочиями структуру по борьбе с сепаратистскими и еретическими движениями. Эта полицейская структура, фактически не имевшая на тот момент аналогов в Европе, находилась в прямом подчинении Фердинанду. Она и стала важнейшим орудием инквизиции.

При Фердинанде и Изабелле «машина» инквизиции заработала во всю мощь, ее судопроизводство приобрело системный характер. С 1481 года в практику были введены аутодафе — торжественные театрализованные церемонии, включавшие покаяние еретиков, зачитывание им приговоров и их исполнение, в том числе публичное сожжение.

Дочь Фердинанда и Изабеллы Хуана (известная под именем Хуаны Безумной) вышла замуж за представителя австрийской династии Габсбургов — Филиппа I Красивого, сына будущего императора Священной Римской империи Максимилиана I.

Родившийся в браке Хуаны с Филиппом Карл, таким образом, приходился внуком двум влиятельнейшим католическим монархам Европы — Фердинанду II и Максимилиану I. Унаследовав колоссальную империю, охватившую в XVI веке значительную часть Европы (он стал королем Испании в 1516 году под именем Карла I и императором Священной Римской империи в 1519 году под именем Карла V), Карл объявил делом своей жизни создание объединяющей весь католический мир «универсальной монархии» под властью Габсбургов.

Идея «универсальной монархии» входила в явное противоречие с формированием крупных национальных государств, боровшихся в то время между собой за гегемонию в Европе. Тогда шла многолетняя кровопролитная борьба между Испанией и Францией (позже — между империей Габсбургов и Францией). Император Священной Римской империи Карл V стремился расширить империю Габсбургов. Франция же предпринимала усилия для того,

чтобы не оказаться окруженной со всех сторон «универсальной монархией», а заодно старалась расширить свою территорию за счет итальянских земель.

«Универсализм» короля не очень нравился и самим испанцам.

Но главными противниками универсальной католической империи стали другие подданные Карла V — германские князья. Как отмечает историк Ю. Е. Ивонин, в Германии с самого начала «реформация была направлена не только против римской католической церкви, но и в известном смысле против универсалистских тенденций Габсбургов в защиту локальной и территориальной государственности. Религиозное движение стало по существу знаменем территориализма, под которое стали позднее и некоторые католические князья, подчинившие католическую церковь в своих владениях территориальной власти, оставаясь верными католицизму».

Характерно, что католическая Франция, воюя с католическим же королем Карлом V, не раз пыталась заручиться поддержкой протестантских германских князей.

Папскому престолу в те времена постоянно приходилось осуществлять сложные маневры. Попытки Ватикана поднять все католические державы на борьбу с Реформацией наткнулись на непримиримые противоречия между Францией и Габсбургами. Римская курия при этом была не готова однозначно поддержать идею «универсальной монархии» под властью Габсбургов. Карл V претендовал на итальянские территории, а римский папа был главой одной из этих территорий — Папской области. Интересы папского престола входили в явное противоречие с концепцией Габсбургов об «универсальной монархии». Попытки Карла V сделать из римской курии союзника в целом провалились, несмотря на избрание в 1522 году на Святой престол его воспитателя кардинала Утрехтского, ставшего папой Адрианом VI.

Весь этот исторический контекст важен как для понимания эпохи, в которую сформировалась личность основателя ордена иезуитов, так и для понимания значения самого ордена. В каком-то смысле иезуиты унаследовали ту задачу, которую не смог решить Карл V, — орден занимался

построением наднациональной католической империи. Эта империя имела виды на ряд сопредельных территорий, в том числе и на православные земли. Напомним, что после падения Византии центром православия стала Москва (концепция «Москва — третий Рим» была окончательно сформулирована в первой половине XVI века). При этом литовские и польские территории, где было немало православных, оказались на границе между христианским Востоком и христианским Западом, который в описываемую эпоху уже не был однородным и тоже разделен на протестантскую и католическую составляющие. Католическая церковь и иезуиты как ее передовой отряд стремились, во-первых, уменьшить влияние протестантов на Западе, а во-вторых, «окатоличить» православный Восток.

Но вернемся к биографии основателя ордена иезуитов. Побывав пажом, а затем рыцарем при королевском дворе, Лойола поступил на военную службу.

В 1521 году Лойола был назначен командовать гарнизоном, которому предстояло сдерживать натиск французов, осаждавших Памплону. В этой битве он получил тяжелое ранение ног. После нескольких операций, сделанных в плену, стало понятно, что Лойола навсегда останется хромым. Военная карьера была для него завершена.

Во время длительной болезни Лойола погрузился в чтение. Он попросил принести ему рыцарские романы, но таковых не нашлось, и ему принесли духовные книги.

Этими книгами были «Vita Christi» («Жизнь Христа») монаха-картезианца Людольфа Саксонского и «Flos Sanctorum» («Цвет святых», сборник житий святых) — испанский перевод «Legenda aurea» («Золотой легенды») доминиканского монаха Якопо Ворагинского, выполненный цистерцианцем Гуальберто де Вагадом и предваренный его предисловием.

Исследователи духовного становления Игнатия Лойолы единогласно отмечают влияние, которое на него оказали «Vita Christi» и «Flos Sanctorum». При этом иезуит Жозеф де Гибер в своем труде «Иезуиты, их духовная доктрина и практика» отмечал, что автор предисловия к «Flos Sanctorum» де Вагад рассказывал в нем «о высоких достижениях тех, кого он называет «рыцарями Бога» (то есть святых. — Авт.)... В центре этих замечательных людей стоял «вечный Князь Иисус Христос» как несравненный вождь, за «вечно победоносным знаменем» которого следовали эти рыцари Бога». Сам Лойола в автобиографии сообщал, что желание рыцарского служения Христу вытеснило его предыдущее желание обычного рыцарского служения даме.

Среди житий святых, описанных во «Flos Sanctorum», особое влияние на Лойолу оказали истории святого Франциска Ассизского, его болезни и духовного преображения (тут усматривалась параллель с жизненной ситуацией самого Лойолы) и святого Доминика.

Узнав из прочитанных книг о «героизме святости», Лойола решил отправиться в Палестину. Однако по дороге он посетил бенедиктинский монастырь в Монсеррате. В монастыре этом находилась, как и находится поныне, главная святыня Каталонии — Монсерратская Мадонна, одна из знаменитых «черных Мадонн». Всю ночь 24 марта 1522 года Лойола простоял перед статуей Мадонны. На рассвете он посвятил свое оружие Пресвятой Деве, полагая себя отныне ее рыцарем и воином Иисуса.

После этого Лойола провел около 11 месяцев в городке Манреса, находящемся неподалеку от Монсеррата. Причем часть этого времени он прожил в пещере.

В Монсеррате Лойола соприкоснулся с еще двумя источниками, оказавшими

большое влияние на «игнатийскую духовность».

Одним из этих источников стало обновленческое католическое движение *Devotio moderna* («Современное благочестие»), к которому принадлежал августинский каноник Фома Кемпийский, написавший труд «De imitatione Christi» («О подражании Христу»). Описанные в этом труде духовные практики, призванные помочь верующему обрести внутренний мир, оказали большое влияние на иезуитов.

Другим источником стало мистическое учение бенедиктинца Гарсии де Сиснероса, автора книги «Ejercitatorio de la vida espiritual» («Сборник упражнений в духовной жизни»), также содержавшей ряд молитвенных практик. Гарсия был последователем *Devotio moderna*. Став настоятелем Монсеррата, он реформировал монастырь и создал там «новаторскую школу каталонской духовности».

Опыт Монсеррата станет образцом для реформ католических орденов Испании, осуществленных двоюродным братом Гарсии францисканцем Хименесом де Сиснеросом, взявшим себе имя Франсиско в честь Франциска Ассизского. Выдающийся деятель испанского Золотого века, Франсиско де Сиснерос был духовником Изабеллы Кастильской, советником Фердинанда Арагонского и Великим инквизитором Кастилии. Церковные реформы Сиснероса, не последней из которых была реформа инквизиции, приведшая к резкому усилению ее роли в испанской церкви, помогли создать мощное централизованное испанское государство. Новые испанские теологи, появившиеся благодаря реформам Сиснероса, сыграли важную роль на Тридентском соборе — наряду с иезуитами, чья роль, пожалуй, была там определяющей.

С мистическим учением Гарсии де Сиснероса Лойола близко познакомился в Монсеррате благодаря своему духовнику, французскому бенедиктинцу Жану Шанону. Современный исследователь иезуит Хавьер Меллона даже высказывает гипотезу, что Лойола прервал свое паломничество в Святой Землю и задержался на год в Манресе именно для того, чтобы изучить духовные практики Сиснероса.

В Монсеррате Лойола разработал свои знаменитые духовные упражнения, впоследствии им развитые и дополненные.

Исследователи считают, что еще во *Flos Sanctorum* Лойола обнаружил «подходы к сути идеала духовных упражнений: Королевству Христа и благородному следованию за этим королем в рыцарском служении». Предполагается также, что большое воздействие на Лойолу оказали наставления Людольфа Саксонского в «Vita Christi»: «присутствовать при речах и действиях Господа Иисуса, как будто слышишь их своими ушами и видишь их своими телесными глазами». Еще один современный автор-иезуит Антонио де Николас отмечает, что благодаря «Vita Christi» Лойола «превратил свои духовные упражнения в цепочку памятных моментов в истории спасения, используя образы жизни Христа» и, в частности, разработал «практику образного созерцания Христа в евангельских тайнах».

Отличительной чертой духовных упражнений Лойолы является их рефлексивность, обуздывающая религиозный экстаз и позволяющая различать и систематизировать метафизический опыт. Как указывал вышеупомянутый Жозеф де Гибер, в мистической практике иезуитов «большое место отводилось образному созерцанию, самоанализу, внимательному контролю над тем, что происходит внутри себя». Сам Лойола сообщал в автобиографии, что при первых же контактах с духовным миром, вызванных чтением «Vita Christi» и «Flos Sanctorum», ему удалось «осознать разницу между духами, которые волновали его: духом Божиим

Альберт Швалье Тейлер. Папа Павел III утверждает Общество Иисуса 27 сентября 1540 года. 1904

ВОЙНА ИДЕЙ

и духом сатаны». Он добавлял, что впоследствии, создавая духовные упражнения, «начал извлекать свет из этого предыдущего опыта для своего учения о различных духах».

Лойола понимал, что его миссия требует крайнего благочестия. Каждый его день в тот год, проведенный в Манресе, включал в себя семь часов молитвы, а также покаяние.

Затем Лойола отправился в паломничество в Святую землю.

Вернувшись из Палестины в 1524 году, он занялся своим образованием. Будучи 33 лет от роду, Игнатий принялся осваивать сначала латынь, а затем богословие в начальной школе для детей в Барселоне. В 1526 году Лойола пешком отправился в университет Алькалы. В 1527 году он уже учится в университете Саламанки.

Всё это время Лойола не переставал проповедовать на площадях, за что им не раз успела заинтересоваться Святая инквизиция.

Завершил Лойола свое образование в парижской Сорбонне, где вскоре получил звание магистра «свободных искусств». Но священнического сана, а значит, и разрешения проповедовать, у него не будет еще долгое время. Лойола также внимательно следил за тем, чтобы его последователи получали образование.

15 августа 1534 года Лойола и шесть его первых последователей (всего отцов-основателей ордена было семь) в подземной часовне на Монмартре поклялись посвятить свои жизни Богу. Последняя фраза клятвы — «Ad maiorem Dei gloriam» («К вящей славе Господней») — станет девизом ордена.

В июне 1537 года Лойола со своими соратниками, круг которых к тому моменту расширился, приняли священнический сан и начали проповедовать. Как отмечает немецкий историк, специалист по истории церкви Генрих Бемер, «везде, где только ни выступали иезуиты, они получали известность как народные законоучители, как народные проповедники, как духовники, как руководители духовных упражнений, как организаторы церковной благотворительности».

Лойола дал своему обществу название *Compañía de Jesús*. Слово «*compañía*» носило явно военный оттенок. *Compañía de Jesús* можно перевести как Отряд Иисуса или Воинство Иисуса (на русский язык иногда переводят как Дружина Иисуса). В проповедях члены Отряда Иисуса обозначали своей целью повсеместную борьбу с ересями.

Активность Лойолы и его соратников продолжала расти. Одновременно рос и их авторитет. Как пишет тот же Бемер, во время голода 1538 года Игнатий «кормил более трехсот бедных и раздавал хлеб тысячам».

В 1538 году Лойола добивается личной встречи с папой Павлом III. Предложение Лойолы создать новую конгрегацию для борьбы с ересью было благосклонно воспринято папой. Ввиду наступления Реформации католическая церковь весьма нуждалась в активных сторонниках.

27 сентября 1540 года папа выпустил буллу *Regimini militantis Ecclesiae*, официально учредившую орден Лойолы. В папской булле орден обозначался уже не как Отряд, а как Общество Иисуса. Устав ордена, разработанный Лойолой, содержал в том числе обет послушания генералу ордена и святому отцу.

Основной задачей ордена стала борьба с Реформацией. О том, что противники Реформации возлагали на иезуитов чрезвычайные надежды, свидетельствует передача ордену в последующие годы огромных полномочий.

Иезуиты сразу принялись работать с широкими слоями населения путем проповедей, организации школьного обучения, ухода за больными. Своей готовностью ид-

ти в чумные бараки и ухаживать за заразными больными орден завоевал большой авторитет. До сих пор иезуиты считаются непревзойденными мастерами пропаганды.

Добились огромных успехов иезуиты и в проникновении во властные структуры. Налаживая высокие связи, становясь духовниками королей, они оказывались в курсе секретов правящих верхов. Вся информация стекалась к генералу ордена в Рим. Фактически иезуиты создали эффективно работающую разведывательную сеть.

К 1544 году иезуиты создали 9 поселений в европейских странах — в Италии, Испании, Португалии, Франции, Германии и Нидерландах.

А к 1554 году у иезуитов было уже восемь провинций на разных континентах. Индийская провинция насчитывала 12 поселений (из них 2 — в Японии), бразильская — 5 поселений, португальская — 5, кастильская — 9, южноиспанская — 5, арагонская — 4, итальянская — 11, сицилийская — 3 и т. д. За каких-нибудь 15 лет со дня признания ордена папой он распространился по всему освоенному европейцами миру.

Столь бурному росту иезуитов способствовали беспрецедентные привилегии, предоставленные ордену папским престолом.

В 1544 году папа издал буллу *Inipsum pobis*, согласно которой Лойола и всем последующим руководителям ордена иезуитов предоставлялось право вносить во внутренние уставные документы ордена изменения без согласования с папой. На тот момент ни один из существовавших монашеских орденов не обладал таким правом.

Папским посланием от 3 июня 1545 года иезуитам предоставлялись почти неограниченные права, которыми не обладали никакие другие ордена: «Мы даруем вам право... проповедовать, учить и объяснять слово Божье духовенству и людям в любых церквях, а также в общих или общественных местах и на улицах, и в любом другом месте, чтобы учить их пути истины и увещивать их во Господе...» И еще одно право папа даровал иезуитам: «Тем из вас, кто является священниками, выслушивать исповеди любого из верных Христу любого пола... отпускать им грехи... преступления, прегрешения... какими бы серьезными и возмутительными они ни были, даже тем, которые принадлежат святому престолу... а также накладывать на них спасительную епитимию за совершенные прегрешения». Также иезуитам разрешалось «заменять любые обеты», за исключением обетов, данных непосредственно папе и еще некоторых, «другими делами благочестия».

Напомним, что в 1545 году начался судьбоносный для католической церкви Тридентский собор, заложивший основы Контрреформации. Ход этого собора во многом определяли и направляли именно иезуиты.

Их помощь была оценена высоко. И в 1549 году вышла очередная папская булла под названием *Licet debitum*, часто называемая «Великой хартией вольностей иезуитов». Сами представители Общества Иисуса называли ее «великим морем своих привилегий». Приведем лишь некоторые положения этого документа.

«Мы... устанавливаем, что он («возлюбленный сын Игнатий Лойола», так глава иезуитов именовался в булле. — Авт.) с момента избрания настоятелем Общества... является истинным генералом этого религиозного ордена, со свободной, общей и полной властью управления всеми и каждым... во всем, что касается упомянутого Общества. <...> Действующий настоятель может послать своих людей в любое место, даже среди неверных, которое он сочтет целесообразным во Господе, и отозвать их; и он может

Карта Польши и Литвы с 1386 по 1572 год. 1854

свободно и законно переводить в другие места тех, кого мы и наши преемники послали... когда это покажется целесообразным во славу Божию...»

Таким образом, генерал был поставлен в своих решениях выше папы.

В булле также указывалось: «Не допускается апелляция по отношению к привилам, наложенным Обществом... и такая апелляция не может быть принята никаким судьей, недопустимо обращение к властям, чтобы те их отменили или сняли, также недопустимо требовать от генерала или от нижестоящих настоятелей Общества, чтобы те отправляли братьев или членов данного Общества в свиту патриархов, архиепископов, епископов и других прелатов... кроме как при наличии письменного распоряжения [святого престола]... явно говорящего об этом как об особом распоряжении. <...> Если кого-то из них (членов ордена. — Авт.) таким образом направляют, они в любом случае остаются под управлением ордена, и он может отстранить их, когда сочтет целесообразным. Тех, кто был назначен для проповеди крестового похода или для расследования еретических извращений... Игнатий и другие генералы Общества, его преемники, могут свободно и законно смещать, отзывать и переводить...»

То есть никакие власти — в том числе папа — не имели больше фактически никакой силы над иезуитами.

«Игнатий и другие генералы... могут... отпустить всех и каждого из членов Общества и лиц, находящихся под их... управлением, от всех и каждого из грехов, совершенных до или после вступления в данное Общество, и может освободить их от любых приговоров, осуждений и наказаний отлучения, отстранения, запретов и других церковных и гражданских приговоров... если только проступки, подлежащие отпущению и освобождению, не являются настолько серьезными и возмутительными, что они по праву должны быть переданы апостольскому престолу...»

По сути, члены ордена становились таким образом непогрешимыми. Кроме того, они могли теперь отпускать любые грехи. Неудивительно, что многие монархи брали в духовники именно иезуитов и покровительствовали им.

«Мы также предписываем, чтобы любой из членов Общества исповедовал свои грехи своему собственному настоятелю или тому или тем, кто назначен им... И мы запрещаем кому-либо, после произнесения обетов [Обществу]... переходить в любой другой орден, даже одобренный... [святым] престолом (за исключением только картезианцев), если только не будет явного разрешения са-

мого настоятеля или [святого] престола. <...> Сам генерал и другие низшие настоятели могут свободно и законно... отлучать, арестовывать, заключать в тюрьму и иным образом подчинять своей дисциплине... любых отступников от упомянутого Общества... и они могут прибегнуть к помощи светских властей, если это будет необходимо».

Это запрещение подразумевало неразглашение полученной иезуитами секретной информации, в особенности той, которой с ними делились высокопоставленные особы. Отметим также, что, несмотря на разрешение, никогда ни один иезуит не перешел в картезианский орден, известный своей необычайной строгостью и обетом молчания.

Наконец, папская булла жестко требовала соблюдать привилегии иезуитов: «И, высоко оценивая во Господе вышеупомянутое Общество... мы просим и увещиваем во Господе... не позволять беспокоить их или нарушать их привилегии». Тех же, кто эти привилегии нарушит, должны были объявить отлученными. При этом религиозные власти должны были «заботиться о том, чтобы наказание» тех, кто нарушит привилегии иезуитов, «многократно усиливалось, так часто, как потребуются... и даже прибегая, если необходимо, ради достижения этой цели к помощи светской власти». Указывалось, что «каждый, кто осмелится попытаться» нарушить привилегии иезуитов, «должен знать, что он навлечет на себя неудовольствие всемогущего Бога и благословенных апостолов Петра и Павла».

Вот такими суперполномочиями был наделен орден, который после Тридентского собора встал во главе Контрреформации.

Начало наступления иезуитов в Литве

После Тридентского собора папский престол начал наступление на православие на территории Речи Посполитой.

В Польше иезуиты появились благодаря кардиналу Станиславу Гозию. В 1561–1563 годах Гозий принимал личное участие в Тридентском соборе, причем в 1563 году — руководил им. Иезуитов на польские земли Гозий позвал в 1564 году в целях борьбы с протестантами.

Прибывая в страну, иезуиты первым делом открывали в ней коллегии, где помимо церковных предметов учили древним языкам и литературе, истории, географии, математике, естествознанию. Обучали в коллегиях юношей в основном из приви-

ВОЙНА ИДЕЙ

Продолжение. Начало — на стр. 1–7

легионеров сословий, но были и ученики из низших слоев. Первая коллегия, быстро ставшая рассадником иезуитов в Польше, была основана в Браунсберге.

На литовских землях иезуиты появились чуть позже, в 1569 году, вскоре после заключения Люблинской унии — объединения Королевства Польского и Великого княжества Литовского в единое государство Речь Посполитую. В Литве иезуиты быстро открыли в крупнейших городах коллегии и резиденции. Крупнейшая из них была основана в Вильно. В 1579 году она получила статус академии.

Оказываясь у трона, иезуиты стремились полномасштабно использовать свое влияние. Так, король Сигизмунд III Ваза, вступивший на трон Речи Посполитой в 1587 году, под влиянием иезуитов раздавал государственные должности в стране преимущественно католикам. Находясь на этих должностях, католики последовательно ущемляли в правах представителей других конфессий.

Речь Посполитая была раздираема противоречиями — между православными, протестантами и католиками, литовцами, русскими и поляками. При этом Польша упорно стремилась подчинить себе всё население объединенного государства. Римская курия также вела всё более наступательную политику.

Для более полного понимания сложности возникшей ситуации необходимо сказать несколько слов о том, что представляло из себя Великое княжество Литовское.

Великое княжество Литовское

В XIII и XIV веках Русь была раздроблена на множество враждовавших между собой феодальных княжеств и являлась лакомым куском для захватчиков. В 1237 году на русские земли началось нашествие Батыев.

Избавиться от власти монголо-татар достаточно быстро смогли только южные и юго-западные русские княжества, однако сделано это было ценой присоединения к западным соседям — к Великому княжеству Литовскому и к Польше.

Объединить литовские племена смог в середине XIII века князь Миндовг. Миндовг периодически конфликтовал с Галицко-Волынским княжеством и в целом расширял свое государство за счет древнерусских земель. В дальнейшем, при князе Гедимине, Литва продолжила присоединять русские земли.

Часть русских князей переходила под литовское владычество добровольно, видя в Литве меньшее из двух зол. Действительно, в Литве поначалу сохранялось русское делопроизводство, православная церковь была в привилегированном положении. Однако весьма скоро стало понятно, что ставка на сохранение русской идентичности оказалась неверной — расширяясь на восток, свое место Литва искала на западе.

В 1362 году князь Ольгерд в битве на Синих Водах разбил татар и присоединил к Литве находившиеся под их властью Киев, Подолье, Посемье и Переяславль Южный. Как писал Н. М. Карамзин, «таким образом наше отечество утрачено, и надолго, свою древнюю столицу».

Население исконно русских земель всё больше оказывалось в чуждой языковой, религиозной и культурной среде.

Ольгерд попытался распространить свое влияние и дальше, предприняв попытки завладеть враждовавшим с Тверью Московским княжеством. После двух безуспешных попыток осады Москвы в 1368 и в 1370 годах Ольгерд в ходе третьего, опять же неудавшегося, похода заключил в 1372 году мир с московским князем

Дмитрием Ивановичем (получившим спустя восемь лет, после победы на Куликовом поле, прозвище Донской).

На тот момент Великое княжество Литовское включало в себя территории современных Литвы и Белоруссии, часть Украины и Смоленскую область. Восточная граница княжества пролегла приблизительно по нынешней границе Смоленской и Московской, Орловской и Липецкой, Курской и Воронежской областей. Значительных притеснений русского населения в правление князей не отмечалось, обе жены Ольгерда были православными. Тем не менее к исходу его правления усилилась борьба между Литвой и Москвой за восточные земли Великого княжества Литовского, особенно за Брянск и Смоленск, тяготеющие к Москве.

Противоречия между Москвой и Литвой усилились, когда старший сын Ольгерда от второго брака, Ягайло, в поисках союзника против Тевтонского ордена сделал выбор в пользу Польши.

После нашествия татарского хана Тохтамыша начались переговоры Ягайло с Москвой при активном содействии его матери, княгини Иулиании (Ульяны) Александровны, дочери тверского князя. Был даже заключен договор между Дмитрием Донским и Иулианией, предусматривавший брак Ягайло с дочерью Дмитрия Донского на условиях подчинения его Дмитрию и крещения литовского князя в православие.

Однако польская партия при дворе Ягайло оказалась сильнее, а предложения Польши — соблазнительнее. Договоры с Москвой так и остались нереализованными. В 1385 году Ягайло заключил Кревскую унию — соглашение о династическом союзе с польской королевой Ядвигой (которая для этого расторгла помолвку с Вильгельмом, сыном австрийского герцога Леопольда из династии Габсбургов). Ягайло, по условиям этого соглашения, становился польским королем. При этом он должен был присоединить к Польше свои земли и принять католичество вместе со всеми своими подданными. Таким образом, получив польский трон, основатель династии Ягеллонов поставил Литву в подчиненное положение по отношению к Польше.

Став в 1386 году польским королем, Ягайло одновременно получил титул верховного князя Литвы и наследственного вельдья — «дедича» — русских земель Великого княжества Литовского. Уже в следующем году он массово крестил в католичество литовских язычников. Все не католики становились людьми второго сорта и получали сословные привилегии только при переходе в католицизм. Браки между католиками и православными прекратились.

Последствием Кревской унии стало окатоличивание верхушки Литовского княжества. В стране, где ранее преобладало православие, повсеместно строились католические костелы и монастыри. Новое созданное Виленское католическое епископство получило от великого князя большие земельные владения.

Происходящее заставило объединиться против Ягайло, а вернее, уже против польского короля Владислава II Ягеллона, недовольных колонизацией русских и литовских феодалов во главе с князем Витовтом. Поначалу им сопутствовал успех, и Витовту удалось получить власть над Великим княжеством Литовским при сохранении союза между Польшей и Литвой.

Несмотря на противоречия, союзники успешно выступили против давнего общего немецкого врага, разбив Тевтонский орден в Грюнвальдской битве 1410 года. Битва эта до сих пор считается выдающимся событием как польской, так и литовской истории. В сражении на польско-литовской стороне выступали и полки из исконно русских земель. Но для русскоязычного

православного населения Литвы эта победа стала пирровой.

Вскоре, в 1413 году, Польша навязала Витовту так называемую Городельскую унию, ознаменовавшую собой новый этап в подавлении литовской государственности. Витовт признал верховную власть польского короля. При этом самому литовскому князю было обещано сохранение его власти в Литве.

После этого на польской территории начали проводить общие шляхетские сеймы. Повсеместно вводилось польское административное деление. Польские гербы и привилегии получала та часть литовской знати, которая согласилась перейти в католицизм. Православные же не могли состоять в Раде и занимать государственные должности, не могли наследовать владений. Всё это привело к стремительному окатоличиванию и ополячиванию русского православного населения.

В 1430 году, после смерти Витовта, власть в Великом княжестве Литовском перешла к его сопернику, младшему брату Ягайло — Свидригайло. Свидригайло был женат на русской княжне, двоюродной сестре тверского князя Бориса, и пользовался поддержкой литовско-русских удельных князей, недовольных окатоличиванием и произволом поляков. Его соперником в борьбе за великокняжеский престол после смерти Витовта стал Сигизмунд Кейстутрович, которого поддерживали литовцы-католики. Престол достался Свидригайло после ожесточенной борьбы. Отметим, что, будучи лидером православной партии, новоиспеченный князь оставался тем не менее католиком и короновался в виленском римско-католическом соборе св. Станислава.

Сразу после коронации Свидригайло объявил о разрыве унии с Польшей. При нем литовские католики оказались оттеснены от важных государственных должностей, перешедших к русской и литовской православной знати. Возникшее недовольство привело к эскалации конфликта. Между Польшей и Великим княжеством Литовским начались военные действия.

На великокняжеском престоле Свидригайло удержался недолго — уже в 1432 году его сверг Сигизмунд Кейстутрович. Однако часть православных князей оказала Свидригайло поддержку и посадила его в Полоцке на «великое княжение русское».

Некоторое время казалось, что у Свидригайло есть шанс вернуть себе Литву. Но после того, как в 1435 году Свидригайло потерпел тяжелое поражение в битве у замка Вилькомир, позиции русской православной партии резко ослабли.

Спустя пять лет, в 1440 году, вышеупомянутый митрополит Исидор, сторонник Флорентийской унии, возвращался из Флоренции в Москву. В начале весны 1440 года он прибыл в Буду, где написал христианам Польши, Литвы и Ливонии послание, сообщавшее о «восстановлении единства Церкви» и равноправии католического и православного обрядов. Исидора встретили в Польше и Литве дружелюбнее, чем в Москве. Однако даже Литва, православное население которой находилось в угнетенном положении, унию принять не спешила. Новгородский летописец отмечал: «Литва же и Русь за то не изымашася». У польского же духовенства, не доверявшего союзу с греками, идея церковной унии и вовсе не нашла поддержки.

Союз Польши и Литвы долго еще раздирался внутренними противоречиями. Литва пыталась отстоять свой суверенитет. При этом часть удельных князей склонялась к переходу под власть московского князя.

Однако и войны с Московским княжеством не прекращались. В результате этих войн Литва к 1494 году потеряла примерно четверть своей территории.

Польша, воспользовавшись войнами между Литвой и Московским княжеством, надавила на литовского князя Александра, который к тому же хотел стать польским королем, и предложила заключить новую унию. В октябре 1501 года великокняжеская Рада согласилась на заключение Мельницкой унии. Уния эта фактически означала безоговорочное присоединение Литвы к Польше.

Александр был избран польским королем, но литовский сейм не утвердил Мельницкой привилегии. Объединение Польши и Литвы еще несколько десятилетий основывалось на личной унии Ягеллонов, два этих государства не сливались в одно.

Но через полвека, когда Русское царство и Великое княжество Литовское начали войну за слабеющую Ливонию, вопрос о слиянии Польши и Литвы вновь был поставлен на повестку дня.

Политический расклад осложнился еще и тем, что согласно Кревской унии 1385 года союз Литвы и Польши имел династические основания, а тогдашний польско-литовский правитель Сигизмунд II Август был бездетен, и с его смертью прервалась бы династия Ягеллонов. Формально это являлось поводом для выхода Литвы из союза. Не желая этого, Сигизмунд II Август начал готовить новую унию между Польшей и Литвой.

Новый союз, получивший название Люблинской унии, был заключен на сейме в Люблине в 1569 году. По его условиям Польша и Литва образовали единое государство — Речь Посполитую. Уния положила начало тотальной колонизации и окатоличиванию.

В качестве уступки противникам унии документ о союзе составили расплывчато, в нем декларировалось сохранение прав и вольностей жителей обоих государств. Однако польский король сразу же дал понять, что эти декларации не предполагают религиозной свободы. В последний день Люблинского сейма Сигизмунд II Август заявил: «Теперь, когда на съезде утверждена политическая уния, я хочу подумывать о восстановлении единства по вере, единства религиозного, т. е. господства единой римской церкви».

Католическое духовенство в Литве имело целый ряд привилегий. В частности, оно было освобождено от уплаты налогов. Внутренняя церковная жизнь католиков была ограждена от вмешательства светской власти. Католические епископы входили в состав польского сената и в состав великокняжеской Рады в Великом княжестве Литовском и, часто являясь советниками польских королей, участвовали в принятии важных политических решений.

И всё же значительная часть населения Литвы продолжала исповедовать православие и говорить на русском языке. В 1588 году стараниями литовского канцлера Льва Сапеги в Литовском статуте был даже закреплён государственный статус русского языка: «А писарь земски мает по-руску литеры и словы рускими вси листы, выписи и позвы писати, а не иншим языком и словы».

Чтобы ополячить литовцев и русских, надо было сначала их окатоличить. И вот тут большую помощь Польше и Святому престолу оказали иезуиты.

Продвижение идеи унии и новые назначения в Киевской митрополии

Одним из иезуитов, внесших значительный вклад в распространение в Литве католицизма, стал Антонио Поссевино.

Поссевино был секретарем генерала ордена иезуитов. В 1578 году папа Григорий XIII привлек его к дипломатической деятельности, наделив статусом «апо-

ВОЙНА ИДЕЙ

Ян Матейко. Проповедь Скарги. 1864

стольского легата и викария всех северных стран».

В 1581 году Поссевино прибыл в Москву. Поездка эта состоялась в ответ на просьбу Ивана Грозного к папе помочь в мирных переговорах с противником московского великого князя в Ливонской войне — польским королем Стефаном Баторием. В Москве между Поссевино и Иваном Грозным состоялся прения о вере. Поссевино пытался склонить Ивана Грозного к унии. Но Грозный не уступал иезуиту в споре. При этом Поссевино ошибочно полагал, что в 1439 году русские иерархи и великий князь Василий II приняли Флорентийскую унию, и апеллировал к этому как к прецеденту. Грозный выказал перед Поссевино свой бурный темперамент, а в конце спора указал: *«Которой Папа не по Христову учению и не по Апостолскому преданию почнетъ жити, и тотъ Папа волкъ есть, а не пастырь»*. На этом обсуждение унии в Москве было закрыто.

В рассуждениях, представленных папе в 1582 году, Поссевино сообщал, что распространение католицизма в Московском государстве связано с непреодолимыми трудностями, и поэтому *«будет очень важно для обращения Московии, если епископы или владыки королевской Руси (т. е. Литвы. — Авт.) присоединятся к католической церкви»*. Он упрекал предыдущих иерархов католической церкви в том, что они не воспользовались сложившейся после Флорентийской унии ситуацией и не направили своих миссионеров на восток. По мнению Поссевино, у католиков был бы в руках очень мощный инструмент для *«покофения московской схизмы»*, если бы папы *«заботились»*, чтобы Русь, *«которая принадлежит польскому королевству»*, т. е. Литва, *«впитала католическую веру»*.

Король Речи Посполитой Сигизмунд III попал под влияние Поссевино еще в юности, когда иезуит служил при дворе отца Сигизмунда, шведского короля Юхана III. Заняв в 1587 году престол, Сигизмунд поддержал Поссевино и его сторонников.

Другим иезуитом, сыгравшим большую роль в насаждении в Литве католицизма, был Петр Скарга.

Скарга вступил в орден иезуитов во время поездки в Рим в 1569 году. Какое-то время он служил преподавателем в иезуитской коллегии в польском Пултуске. Затем, в 1573 году, перебрался в Вильно. Тут он займет пост ректора Виленской иезуитской коллегии. Позже эта коллегия будет преобразована в академию, а Скарга станет ее первым ректором.

В 1577 году Скарга напишет книгу *«О единстве Церкви Божией под одним*

пастырем и о греческом от этого единства отступлении», из которой сторонники унии будут черпать свои аргументы.

В этом сочинении Скарга обосновывал верховенство папы римского над всем христианским миром и призывал к объединению католиков и православных под властью папы. При этом Скарга ловко доказывал необходимость для православных заключить унию с католиками. Он утверждал, что *«греческая и русская церкви» «испорчены»* своим отделением от римской и потому *«не имеют в себе ни собора святых, ни науки, ни истинных пастырей»*. Отметим, что под «русской церковью» Скарга подразумевал Киевскую митрополию, существовавшую на территории Великого княжества Литовского и формально принявшую стараниями Исидора унию. Основными признаками «испорченности» русской церкви Скарга называл женатых священников (заботы о семье якобы отвлекают священников от их пастырских обязанностей), славянский язык (единственные духовные языки — якобы греческий и латинский, но греки обманули Русь, не дав ей своего языка; при этом общий церковный язык есть только у католиков), а также вмешательство мирян в церковные дела. Для исправления ситуации русскому населению предлагалось принять новую унию, признав католические догматы и главенство папы.

С 1588 года почти четверть века Скарга был придворным проповедником и одним из самых влиятельных советников короля Сигизмунда III.

Тут надо сказать, что отношение к унии в высших политических и церковных кругах Литвы было отнюдь не простым.

Так, последовательный защитник православного населения Литвы князь Константин Острожский долго не отвергал идею унии. В первой половине 1580-х годов с ним вели переговоры и Поссевино, и папский нунций (посланник папы) Болоньетто. И еще в 1593 году Острожский писал о необходимости христианского единства будущему униатскому митрополиту Ипатию Потею. Но вскоре князь выступил против унии, поняв, что вместо всеобщего единения предполагается ущемление православных Литвы и разрыв с другими православными церквями.

Однако были и политики, и иерархи, готовые заключить унию для подчинения христианского мира папе. Одним из самых влиятельных людей в Речи Посполитой на тот период являлся Ян Замойский. Изначально он принадлежал к кальвинистской церкви, но перешел в католицизм во время своего обучения в Падуе, после чего стал ревностным сторонником его распространения.

Замойский был при короле Стефане Батории, правившем Речью Посполитой

в 1576–1586 годах, его ближайшим советником, канцлером и коронным гетманом.

Надо сказать, что иезуиты особенно укрепились в Речи Посполитой именно при Батории. Под покровительством короля открывались иезуитские коллегии. Именно Баторий распорядился создать на основе руководимой иезуитами Виленской коллегии вышеупомянутую академию — первое высшее учебное заведение Литвы. В 1579 году, после взятия Полоцка, Баторий отдал ордену почти все православные церкви, а также все имения, принадлежавшие этим церквям.

Историки спорят об истинном отношении Батория к иезуитам. Некоторые исследователи полагают, что он сотрудничал с ними в сугубо практических целях. Но вот в том, что его друг и помощник Ян Замойский в своей деятельности был руководим убеждениями, сомнений никто не высказывает. По-видимому, во многом именно благодаря Замойскому иезуиты и получили такое влияние при Батории.

В 1588 году через Речь Посполитую проезжал константинопольский патриарх Иеремия II. Иеремия направлялся ко двору русского государя за милостыней. Однако в результате этого визита в Москве будет учреждена патриаршая кафедра. При этом путь константинопольского иерарха в Москву лежал через Польшу и Литву.

Казалось бы, Иеремия, проезжая через Речь Посполитую, должен был бы встретиться с князем Константином Острожским, стяжавшим славу защитника православия. Однако этой встречи не произошло, несмотря на то что Острожский обращался к патриарху в письмах и рассказывал о проблемах православной церкви. Зато Иеремия встретился с Яном Замойским.

Патриаршая делегация прибыла в имение Замойского Замостье в первой половине мая 1588 года и уехала оттуда после 20 мая.

Забегая вперед, скажем, что в начале 1590-х годов Замойский разоидется с иезуитами. Орден будет активно поддерживать своего воспитанника Сигизмунда III, ставшего правителем Речи Посполитой. У Замойского же отношения с Сигизмундом не сложатся, что и породит конфликт с орденом. Но в 1588 году иезуиты и Замойский представляли единую силу.

Замойский крайне настойчиво просил Иеремию приехать в его резиденцию. Коронный гетман лелеял мысль о переносе

Продолжение на стр. 10

Ян Матейко. Стефан Баторий под Псковом (Антонио Поссевино изображен в центре в черном. — Авт.). 1872

ВОЙНА ИДЕЙ

Окончание. Начало — на стр. 1–9

патриаршей кафедры из Константинополя в Киев. И не исключено, что именно здесь началось обсуждение униатского проекта, реализованного через несколько лет. Добавим, что православные иерархи, которые затем решаются на заключение унии, будут находиться в постоянных переговорах, согласно многочисленным свидетельствам, именно с Замойским.

В этот период Москва настойчиво добивалась учреждения патриаршества. Усилия Годунова и русских иерархов увенчались успехом — по просьбе царя Федора Иеремия в 1589 году поставил в Москве патриархом Иова. Создание патриаршей кафедры в России означало официальное признание Константинополем автокефалии Русской православной церкви, де-факто возникшей еще в 1439 году, когда Москва отказалась признавать Флорентийскую унию.

Учреждение Московского патриаршества заставило папский престол ускорить заключение церковной унии в Речи Посполитой. До сих пор автономия Киевской (Литовской) митрополии от Москвы основывалась на неопределенности отношений между Москвой и Константинополем. Признание независимости Московского патриархата означало, что Москва могла поднять вопрос о воссоединении разделенных частей Русской православной церкви — московской и литовской.

Допустить этого поляки и папа римский не могли. А поэтому максимально ускорили процесс создания униатской церкви.

На обратном пути из Москвы Иеремия II сделал несколько назначений и перестановок в Киевской митрополии, вскоре роковым образом сказавшихся на заключении унии.

Оговорим сразу, что случайны ли были эти действия Иеремии или нет — неизвестно. При этом Иеремия не был близко знаком с жизнью западной православной церкви и, конечно, принимал решения на основе чьих-то советов и рекомендаций. Так кто же давал эти рекомендации?

Ввиду действий Иеремии его вышеупомянутое длительное пребывание на пути в Москву в резиденции влиятельного сторонника унии Замойского, связанного с иезуитами, представляется неслучайным. Добавим, что и на обратном пути, при выезде из Речи Посполитой, Иеремия вновь остановился в имении Замойского.

Во время своего пребывания в Речи Посполитой на пути из Москвы в Константинополь Иеремия отстранил Киевского митрополита Онисифора Девочку, снискавшего дурную славу за свое двоеженство (т. е. развод и повторное вступление в брак) и другие грехи, и назначил на его место Михаила Рагозу, отнюдь не пользовавшегося доверием православной паствы.

Ситуация с назначением Рагозы — весьма темная. Возможно, еще до полу-

Эрик Дальберг. Город и замок Берестье Литовский. 1696 (Берестье Литовский — старое название Бреста; на гравюре изображена осада города в 1657 году)

чения митрополичьей кафедры он вступил в сговор с иезуитами и дал свое согласие на заключение унии. По крайней мере, есть письмо виленских иезуитов к Рагозе, в котором, во-первых, говорится о том, что чин митрополита он получил благодаря Сигизмунду III и вопреки желанию православной паствы. А во-вторых, даются советы по продвижению униатского проекта.

Но возможно и то, что сторонники унии просто знали о невероятной мягкости и податливости Рагозы и поэтому во время приезда Иеремии настояли на передаче митрополичьей кафедры именно ему. Забегая вперед, скажем, что после отъезда патриарха в Константинополь это давление на Рагозу будет оказано как со стороны верховной власти, так и со стороны еще одного нового назначенца Иеремии — Кирилла Терлецкого.

Епископ Луцкий и Острожский Кирилл Терлецкий, назначенный Иеремией во время его пребывания в Речи Посполитой патриаршим экзархом, вскоре станет одним из основных сторонников унии. Терлецкий славился своим стяжательством и дурными наклонностями. Известен широкий перечень судебных дел, возбужденных судом города Луцка против епископа Терлецкого накануне заключения унии:

- Луцкий староста Марк Жоравницкий подал на Терлецкого в суд жалобу о разбойном нападении и высылении его семейства из имения Жабче. Снаряженный для этого дела епископом отряд превышал тысячу человек. «Дом разграбили по-разбойнически, мужчин побили, а всех найденных здесь женщин клирошане раздели донага и многих изнасиловали».

- Священник Савва Фалицкий жаловался на то, что был посажен Терлецким в тюрьму вместе с женою и детьми, где их морили «холодом и голодом шестнадцать недель, а всё их имущество [Терлецкий] взял на себя».

- Шляхтич Петр Гижевский жаловался на то, что епископ Терлецкий, собрав вооруженный отряд, неожиданно напал ночью на местечко Фалимичи, где тот случайно находился. Во время штурма люди Терлецкого изуродовали Гижевского. Ему нанесли «стрелю тяжелую рану и отсекли правую руку,

после чего Терлецкий приказал посадить его в тюрьму, морил холодом, запретил допускать к нему кого-либо для оказания врачебной помощи и продержал в заключении около 12 недель».

- Адам Закревский жаловался на то, что, проезжая через епископское имение Фалимичи и заночевав там, он подвергся разбойному нападению владыки Кирилла: «Поздно ночью, когда все уже спали, сюда неожиданно явился владыка Луцкий, преосвященный Кирилл, проживавший в фалимичском замке. Он начал бранить Закревского, отобрал у него торбу с деньгами, лошадь, воз и имущество и приказав всё это отправить на свой двор. А затем он взял с собой и девку Палажку (швею, сопровождавшую Закревского. — Авт.), привел ее к себе и, запершись с нею в камере, изнасиловал ее». Обесчестив и ограбив девушку, тотчас же «после сего приказал посадить ее в погреб», откуда она исхитрилась бежать. Девушка подала жалобу, и начался суд. Но дело было усложнено тем, что Палажка, как особа не шляхетного звания, не могла быть обвинительницей епископа, заявившего, кроме прочего, что подлежит исключительно «суду духовному», а не светскому. Дело затянулось на девять лет, пока обесчещенная девушка не умерла, епископ же был извинен тем, что «был очень пьян».

Терлецкий обвинялся также в других преступлениях, а после 1590 года и в убийстве.

Вот такой человек получил столь высокое назначение от Иеремии...

Иеремия тогда же еще и изменил порядок подчинения епархий. Владимир-Вольнский епископ получил звание протрония — т. е. первого перед прочими епископами после Киевского митрополита. Третьим по значимости в иерархии Иеремия поставил Луцкого епископа, которым стал Терлецкий.

Получив свои высочайшие назначения, Рагоза и Терлецкий сразу же принялись продвигать унию.

А в 1593 году Владимир-Вольнскую кафедру, столь высоко поднятую патриархом в значении, займет Ипатий Потей.

Кирилл Терлецкий

Потей порой называют отступником, при этом он, как и многие сторонники унии, совершил двойное отступничество. Сначала он был кальвинистом, потом перешел в православие, а затем стал ярким сторонником унии с католиками. До своего назначения он был светским лицом — брестским каштеляном. В монахи его в 1593 году постриг Терлецкий, после чего Потей сразу же получил кафедру епископа Владимир-Вольнского и Брестского.

После назначения епископом Потей также начал последовательно воплощать униатский проект в жизнь.

При этом сохранились свидетельства того, что Потей не был безразличен к униатскому проекту еще и до вступления в сан.

Так, в 1588 году тогдашний католический епископ Луцкий Бернард Мацевский и сопровождавший его иезуит провели несколько бесед с Потеем, бывшим в то время брестским судьей. По воспоминаниям Мацевского, Потей загорелся идеей унии. Как именно он понимал ее значение — отдельный вопрос, но что обсуждение унии уже тогда происходило с участием Потей, очевидно.

А в 1591 году в Речь Посполитую для миссионерской деятельности прибыл католический богослов Петр Аркудий. По его утверждению, он беседовал с Потеем, который также выказывал готовность всячески содействовать унии.

Таким образом, в начале 90-х годов XVI века три крупнейших чина в западно-русской церкви оказались в руках людей, готовых заключить унию с папским пре-

Ипатий Потей

ВОЙНА ИДЕЙ

столом. Это были три первых лица в митрополии — митрополит Киевский Рагоза, епископ Владимирский и Брестский Потей и епископ Луцкий и Острожский Терлецкий.

Накануне унии

С 1590 года тайные переговоры об унии велись во время соборов в Бресте, ежегодно собираемых митрополитом Михаилом Рагозой. Число православных иерархов, стремившихся к унии, постепенно увеличивалось.

Уже к 1594 году появилась группа православных епископов, занимавшаяся подготовкой унии. Они разработали 32 артикула проекта соглашения об унии, отправленного летом 1595 года папе римскому Клименту VIII и королю Речи Посполитой Сигизмунду III.

Авторы проекта предполагали сохранить фактическую независимость епископов и митрополитов от Рима. В их ведении должны были остаться школы и типографии. Назначение епископов на кафедры должно было осуществляться тоже с их ведома. Предлагалось также оставить в неприкосновенности православные обряды и церемонии, уравнивать в правах униатское и католическое духовенство, не заставляя униатов переходить в римокатолицизм, отказаться от превращения православных храмов в католические, не принуждать к переходу в католицизм православных при межконфессиональных браках и т. д.

Возможно, странность таких ожиданий православного епископата можно объяснить тем, что, поскольку константинопольские патриархи фактически не вмешивались во внутреннюю жизнь Киевской митрополии, западнорусским иерархам могло представляться, что отношения с Римом будут такими же. «Выражая готовность признать папу единственным главой церкви и заместителем апостола Петра, епископы были далеки от понимания того смысла, который вкладывался в эти определения в католическом мире. Выросшие в обстановке феодального парламентаризма с характерными для него постоянными поисками компромиссов и соглашений, епископы явно представляли себе унию церквей по образцу Люблинской унии 1569 г., когда включение... земель в состав Польского королевства сопровождалось выдачей привилегий, гарантировавших соблюдение прав местного дворянства», — считает историк Б. Н. Флора.

Обнародование втайне разработанных 32 пунктов проекта унии вызвало возмущение среди православных. В пастве началось сильное брожение. Опасаясь потерять свои кафедры, заговорщики в спешном по-

рядке направляют своих представителей в Рим.

В сентябре 1595 года Кирилл Терлецкий и Ипатий Потей выехали в Рим и прибыли туда 15 ноября. Там им предстояло совершить торжественный акт подчинения Киевской митрополии папе римскому.

Ватикан сумел в полной мере воспользоваться ситуацией. Никакое равноправное партнерство Климент VIII рассматривать не собирался. В выпущенной апостольской конституции Magnus Dominus папа выражал готовность удовлетворить просьбу западнорусских епископов о сохранении в Киевской митрополии своих обрядов и обычаев, но при условии, что они «не противоречат истине и учению католической веры и не исключают общения с Римской церковью».

Римский понтифик согласился сохранить митрополита Михаила Рагозу и епископов-униатов на занимаемых ими должностях при условии, что отныне каждого следующего епископа будет утверждать только Ватикан.

К тому же Климент VIII потребовал от Михаила Рагозы созвать собор и формально заключить унию.

Решение об унии с Римом было озвучено на Варшавском сейме 1596 года и вызвало огромный взрыв возмущения среди православных.

Земские послы (депутаты) обратились в сейм с официальным требованием низложить Терлецкого и Потей за то, что те самочинно отдались под власть папы.

Против унии резко публично выступал князь Константин Острожский.

В Вильно православные горожане обратились к князю-протестанту Криштофу Радзивиллу (по прозвищу Перун) с просьбой быть им «помощью и оборонцем» против униатов.

Протестовали и духовенство, и миряне.

Но Сигизмунд III ожидаемо встал на сторону епископов-отступников и объявил унию свершившимся фактом. По распоряжению короля митрополит Михаил Рагоза подписал в августе 1596 года послание о созыве собора в Бресте.

Собор в Бресте

Сторонники и противники унии съехались в Брест в начале октября 1596 года. Последние имели твердое намерение отстаивать свою веру и не дать унии состояться.

Униаты прибыли на собор под охраной королевских войск, в то время как православных охраняло войско князя Острожского. Превосходство в силе явно было на стороне защитников православия. Однако князь Острожский дал обещание не переходить к насилию.

6 октября в Храме святого Николая Рагоза открыл собор. На открытии

присутствовали послы короля: воевода трокский Николай Радзивилл (по прозвищу Сиротка), канцлер Великого княжества Литовского Лев Сапега и подскарбий литовский Дмитрий Халецкий. Присутствовали и главы пяти из семи западнорусских епископств: епископ Луцкий и Острожский Кирилл Терлецкий, епископ Владимирский и Брестский Ипатий Потей, а также епископы Полоцкий, Пинский и Холмский.

Противники унии не были даже приглашены на собор. По распоряжению Ипатия Потей доступ во все храмы Бреста для сторонников православия был закрыт. При этом на собор были допущены папские посланники: архиепископ Львовский Ян Дмитрий Соликовский, епископ Луцкий Бернард Мацеевский и епископ Холмский Станислав Гамалицкий, а также несколько иезуитов, среди которых был и яростный поборник унии Петр Скарга.

Православные организовали свой собор в доме одного из дворян. Здесь были главы двух оставшихся западнорусских епископств: епископ Львовский Гедеон Балабан и епископ Перемышльский Михаил Копыстенский. Председательствовал на соборе экзарх константинопольского патриарха Никифор Парасхес-Кантакузин. Кроме того, на альтернативном соборе присутствовало много мирян во главе с князем Константином Острожским.

Собравшиеся в храме св. Николая униаты составили и 9 октября 1596 года зачитали грамоту, подтверждавшую объединение с римской церковью. В католическом соборе состоялась совместная молитва и пение гимна Te Deum в его католическом варианте. После чего было оглашено отлучение выступивших против унии епископов Гедеона Балабана и Михаила Копыстенского, а также Киево-Печерского архимандрита Никифора Тура. Всего были отлучены 9 архимандритов и 16 протопопов. Все священники, не принявшие унии, также подлежали отлучению.

В тот же день противники унии заявили о своем несогласии с Римом и подтвердили право священства тех, кого отлучили униаты. Православный собор лишил духовного сана митрополита Михаила Рагозу и епископов-униатов за нарушение церковной клятвы, самовольное заключение унии и неявку после троекратного вызова на объяснение перед патриаршим экзархом и собором.

Резолюция, составленная присутствовавшими на соборе мирянами и принятая всем собором, требовала «не слушать этих осужденных соборным приговором митрополита и владык, не повиноваться им, не допускать их власти над нами...»

Вторая резолюция православного собора в Бресте гласила: «Мы, сенаторы, сановники, чиновники и рыцарство, а также и духовные лица греческой веры, сыны восточной церкви, собравшиеся сюда в Брест на собор, достоверно узнали теперь от самих вельможных панов, посланных на собор Его королевской милостью: что они с митрополитом и несколькими владыками-отступниками от греческой церкви составили и обнародовали без нашего ведома и против нашей свободы и всякой справедливости какую-то унию между церквями восточной и западной. Мы протестуем против всех этих лиц и их неправильного деяния и обещаемся не только не подчиняться, но с Божией помощью всеми силами сопротивляться им. А наше постановление против них мы будем подкреплять и утверждать всеми возможными средствами и особенно нашими просьбами перед Его Королевской Милостью».

Просьбы православных к королю о справедливом правосудии не помогли. Сигизмунд III утвердил унию. Выступление против нее приравнивали к антигосударственной деятельности. Начались преследования противников унии и прежде

всего участников православного собора в Бресте.

Власти Речи Посполитой принялись повсеместно вводить унию весьма жесткими средствами: отбирали у православных храмы и монастыри, не давали православным священникам проводить службы, разными способами притесняли православных.

Особенно отличились притеснениями православных отдельные иерархи, в том числе архиепископ Полоцкий Иосафат Кунцевич. Его осуждали даже известные сторонники унии — так, участник униатского собора в Бресте, литовский канцлер Лев Сапега в 1621 году писал Кунцевичу: «Не один я, но и другие весьма осуждают то, что ксендз владыка... слишком жестоко начал поступать в делах веры и очень надоел и омерзел народу... А посмотрим на ваши деяния: вы наполнили земские суды, магистраты, трибуналы... тяжбами, доносами, чем не только нельзя распространить унии, но можно расторгнуть и последний союз любви в обществе... Вместо радости пресловутая ваша уния надела на нас только хлопот, беспокойств, раздоров и так нам опротивела, что мы желали бы лучше остаться без нее — так много по ее милости мы терпим беспокойств, огорчений и дожук. Вот плод вашей пресловутой унии!»

Вскоре сторонники унии поняли, что действовать надо более тонкими методами. Продвижением униатства в Речи Посполитой занялся орден василиан. Василиане претендовали на преемственность от восточно-христианской церкви. Принимая унию и подчиняясь папе римскому, василиане жили по уставу святого Василия Великого и сохраняли внешнюю православную обрядовость. В 1631 году орден был официально утвержден буллой папы Урбана VIII.

Огромный вклад в распространение униатства внес основатель ордена василиан Иосиф Рутский. Рутский был крещен по православному обряду, но позже перешел в кальвинизм. Затем он попал под влияние иезуитов и перешел в католицизм. Учился Рутский в Папской Греческой коллегии, которую еще в 1577 году основали в Риме для обучения священников восточного обряда. После того как Рутский познакомился с Потеем, его карьера быстро пошла в гору. Сначала Рутский был назначен заместителем Потей (ставшего в 1599 году митрополитом), затем архимандритом виленского Троицкого монастыря, а затем, после смерти Потей, в 1614 году сам стал главой униатской церкви.

Василиане и иезуиты явно во многом действовали сообща, при том что василиане выглядели куда более приемлемыми в глазах православного населения. К середине XVIII века униатская церковь в Речи Посполитой полностью перешла под контроль василиан.

Добавим, что полонизация в Речи Посполитой будет осуществляться неуклонно. Уже в 1696 году сейм запретил использовать русский язык в делопроизводстве на всей территории Речи Посполитой, и в частности на территории Литвы: «Pisarz... itowione... po Polsku a nie po Rusku pisac» («Писарю... постановляется... по-польски, а не по-русски писать»).

Брестская уния 1596 года является крупнейшей попыткой перекодирования западнорусских православных и их отрыва от русского мира, с которым они, несмотря на долгие годы разобщенного существования, сохраняли единство. Попытка эта была навязана насильно сверху, вопреки воле большинства православного населения.

В конце XIX века римская курия вновь начнет наступление на востоке. Реформа василианского ордена окажется связана с фигурой митрополита Андрея Шептицкого, благодаря которому униатский проект обретет новое дыхание.

Папа римский Франциск с нацгвардейцами, везущими и войсковыми капелланами в Ватикане. 2018

ВОЙНА ИДЕЙ

Русский собор хотел сначала пробудить в галицийских русинах враждебность к России. А затем сподвигнуть российских малороссов встать на сторону поляков и братьев-русинов в борьбе с Россией

Марина Станкевич, Вячеслав Вдовик

Андрей Шептицкий и «восточный проект» Ватикана

На стыке XIX и XX веков война между Австро-Венгрией и Российской империей многим казалась неизбежной — как в силу медленного расползания Австро-Венгрии, порожденного в числе прочего политической активизацией славян, так и в силу трудноустраняемых противоречий между этими державами, порождаемых предстоящим дележом так называемого османского наследства. А тут еще и конфессиональный фактор... Австро-Венгрия Габсбургов даже в начале XX века всё-таки оставалась условной хранительницей католических ценностей, а Российская империя — такой же хранительницей ценностей православных. Цепляясь за далеко не дружественную ей и по преимуществу отнюдь не католическую Германию, Австро-Венгрия надеялась на победу над Россией и возможность стабилизации за счет расширения собственной территории. Аналогичными по сути, хотя и диаметрально противоположными по характеру, были и российские имперские ожидания.

Напряженное ожидание большого мирового передела естественным образом пробудило у Ватикана старую мечту о продвижении на восток, на православные земли — тем более заманчивую, что во многом интересы апостольского престола

совпадали с интересами ведущих европейских держав, в чьи планы никоим образом не входило дальнейшее расширение России вообще и ее укрепление на Балканах прежде всего.

Для воплощения своей давней мечты Рим и его союзники пытались осуществить грандиозную задачу по окончательному и бесповоротному отчуждению тяготеющих к России групп населения, которые могли бы при большом переделе захотеть присоединиться к ней. Речь шла как о русинах, так и о других аналогично ориентированных сообществах. Их-то и следовало превратить из прорусской силы в прозападно-антирусскую. Что, собственно, и составляло на рассматриваемом новом этапе содержание долговременного, как мы убедились, проекта под названием «Украинская грекокатолическая церковь».

Тем, кто взялся за реализацию подобной задачи, нельзя отказать ни в наличии огромной проектной воли, ни в точности выбора кандидата на роль проводника этой проектной воли. Таким проводником стал Роман Александр Мария Шептицкий — польский граф с восточнославянскими корнями, воспитанник иезуитов, впоследствии митрополит Андрей Шептицкий.

Почему выбор пал именно на него?

Родовые и культурные корни Андрея Шептицкого

Шептицкие — старый боярский род Галицкой Руси, отсчитывающий свою историю с XIII века: в 1284 году предок Шептицких получил от галицко-волинского князя Льва Даниловича грамоту на право владения землей.

В течение веков представители рода Шептицких занимали высокие государственные, военные и церковные должности. Причем в определенный исторический период в роду Шептицких, изначально православном, появились и грекокатолические, и римокатолические иерархи. История этого рода, его национальная и конфессиональная самоидентификация теснейшим образом были связаны с тем положением, которое занимала в тот или иной исторический момент их родина, Галиция, не единожды переходившая из состава одного государства в другое.

Проследим цепочку «превращений», которые претерпевала Галицкая земля, и цепочку «превращений» рода Шептицких.

После распада Галицко-Волинского княжества в XIV веке его земли поделили между собой Польша и Литва, постоянно воевавшие за эти территории.

В 1569 году Королевство Польское и Великое княжество Литовское образовали федерацию — Речь Посполитую. Православных на территории Речи Посполитой откровенно и безжалостно притесняли. После заключения в 1596 году Брестской унии часть православных под давлением перешла в грекокатолицизм. Со временем и представители рода Шептицких стали грекокатоликами.

Первым представителем рода Шептицких из числа крупных церковных иерархов, примкнувших к грекокатоликам, стал Варлаам Шептицкий, православный архимандрит Уневского монастыря, известного с XIV века как духовный центр Галиции. Произошло это в 1681 году. Умер Варлаам в чине епископа Львовского в 1715 году.

В XVIII столетии из рода Шептицких вышли еще трое униатских владык: Атанасий, митрополит Киевский (основавший в 1744 году кафедральный собор св. Георгия Победоносца (Юра) во Львове); Афанасий, епископ Перемышльский; и Лев, митрополит Киевский. В этот период были в роду Шептицких и иерархи римского обряда, например, Иероним Шептицкий, епископ Плоцкий.

К концу XVIII столетия Шептицкие уже полностью ополячились, польский язык стал для них родным.

После трех последовательных разделов, произошедших в 1772–1795 годах, Речь Посполитая перестала существовать как государство. Галиция при этом отошла к Австрийской империи.

Господствующей религией в Австрии являлся католицизм в его классическом, римском варианте, что спровоцировало массовые переходы галицийской аристократии в латинство. Шептицкие, претендовавшие на сохранение и укрепление своего

Андрей Шептицкий в Филадельфии. 1910

привилегированного положения, каковым их род пользовался уже несколько веков, вновь «последовали тенденции». К середине XIX века практически все Шептицкие — уже римокатолики.

Но до какой степени Шептицкие стали в Австрийской империи «своими»? Ведь польская аристократия никогда не переставала мечтать о восстановлении Речи Посполитой в границах до 1772 года. А потому австрийское правительство относилось к галицийским полякам с изрядной долей недоверия — по принципу «сколько волка ни корми, он всё равно в лес смотрит».

Шептицкие, безусловно, не забывали о том, что они поляки. Так, мать Андрея Шептицкого, София Шептицкая, в записках о своем знаменитом сыне постоянно упоминает знатнейшие фамилии Речи Посполитой, в родстве с которыми состояли Шептицкие.

О Софии Шептицкой стоит поговорить отдельно — она оказала определяющее влияние на духовное становление будущего митрополита. При этом на саму Софию, в свою очередь, большое влияние оказал ее отец — граф Александр Фредро, известный польский драматург.

Александр Фредро происходил из старинного дворянского рода и был воспитан, как отмечают его биографы, в «шляхетских традициях». В то же время он ощущал себя не только поляком, но и «гражданином Европы».

В 16-летнем возрасте Фредро присоединился к наполеоновской армии. В 1812 году за участие в походе Наполеона на Москву удостоился Золотого креста Virtuti Militari. В 1814 году был награжден крестом Почетного легиона. Дослужившись до должности офицера наполеонов-

Грекокатолики на службе у Гитлефа

ВОЙНА ИДЕЙ

ского Генштаба, в 1815 году, после падения Наполеона, Фредро оставил военную службу.

Вернувшись на родину, в Галицию, он поселился в семейном имении неподалеку от Львова. В 1820-е годы Фредро становится крупнейшим драматургом Галиции, его комедии пользуются славой в Европе. При этом Фредро был представителем немногочисленной на тот момент группы поляков, выступавших за сотрудничество с Габсбургами. После польского восстания 1830 года многие протестно настроенные поляки бежали из России во Львов. В 1835 году представитель «украинской школы» польского романтизма Северин Гоцинский обвинил Фредро в том, что его творчество является «ненациональным». После этого на Фредро обрушился шквал критики, что побудило его оставить литературное поприще более чем на десять лет.

При этом Фредро участвует в общественной жизни, представляет интересы своего земства в галицийском сословном сейме. В 1839 году он становится почетным гражданином Львова.

Фредро был вхож в круги львовского высшего света. Как отмечает современный специалист по истории Галиции Ларри Вольф, к 1839 году Фредро находился «в теплых отношениях с администрацией Габсбургов в Галиции». В частности, его приглашал на свои охоты губернатор Галиции эрцгерцог Фердинанд д'Эсте.

В 1840-х годах Фредро вместе с князем Львом Людвиком Сапегой, бывшим камергером императора Николая I, бежавшим в Галицию после восстания 1830 года, участвовал в разработке проекта местной железной дороги. Проект этот, правда, тогда так и не осуществился.

И Фредро, и Сапега выступали за смягчение крепостного права в крае. В 1844 году Фредро написал меморандум, в котором призывал власти Галиции и самого императора к скорейшему проведению крестьянской реформы, оценивая ситуацию как «прогрессирующую деморализацию». Напомним, что крепостное право в Галиции было особенно тяжелым. Польские помещики жестоко угнетали своих крестьян. Несколько лет неурожаев и голода в середине 40-х годов XIX века накалили ситуацию. Вспыхнувшее в 1846 году в Галиции польское восстание переросло в массовую резню шляхты крестьянами.

Поляки справедливо винили австрийскую администрацию в развязывании этой резни. После нее многие именитые поляки, ранее сотрудничавшие с Габсбургами, отшатнулись от австрийцев и поддержали революцию 1848 года, охватившую Австрийскую империю вместе с остальной Европой.

Среди таких поляков были Александр Фредро и Лев Сапега, принявшие в революционных событиях 1848 года активное участие.

В апреле 1848 года Фредро с Сапегой участвуют в создании во Львове Рады народной. Главными требованиями, выдвинутыми этой структурой, были проведение либеральных реформ и превращение Галиции в польскую автономную провинцию Австрийской монархии. При этом действительной целью создателей Рады народной было, разумеется, восстановление Речи Посполитой в границах до 1772 года. Во Львове начались волнения. Галицийские поляки приступили к формированию польской национальной гвардии.

В ответ на действия поляков Габсбурги решили разыграть русинский фактор.

Австрийские власти в лице губернатора Галиции графа Франца Штадиона фон Вартгаузена осуществили три ответных шага:

- инициировали обращение русинов к австрийскому императору с просьбами ввести в Восточной Галиции русинский язык в качестве языка преподавания и делопроизводства; предоставить русинам возможность занимать любые должности; уравнивать в правах духовенство всех вероисповеданий (прежде всего, речь шла о получении русинским грекокатолическим духовенством таких же широких прав, какими пользовалось польское католическое духовенство);
- отменили в мае 1848 года барщину в Галиции, после чего уровень поддержки галицийским крестьянством австрийских властей резко возрос;
- в мае же 1848 года создали структуру, представляющую галицийских русинов — Головну руську раду. При этом губернатор Галиции Штадион, стремясь противопоставить русинов полякам, одновременно опасался потенциального тяготения русинов к русским и России. И потому, фактически подтолкнув оформление русинского национального движения, он одновременно заставил русинов признать себя не русскими (Russen), а рутенами (Ruthenen). И подтвердить, что население России — схизматики (православные), а рутены себя к таковым не причисляют.

Полякам крайне не понравилось намерение австрийских властей заняться развитием национального самосознания галицийских русинов. Но тут в Галицию зачастили представители польской эмиграции из Франции. Которые разъяснили галицийским полякам, что не нужно сопротивляться возрождению национального духа русинов. Нужно помочь русинам обрести правильную национальную самоидентификацию. То есть укрепить их в той же самой мысли, которую им и так

Карта Галиции. 1893

уже начали навязывать австрийские власти в лице губернатора Штадиона: русины не имеют с великороссами ничего общего. Вот только Штадион хотел, сделав русинам «профилактическую прививку» от тяготения к России, опереться на русинов против поляков. А польская эмигрантская концепция состояла в том, что галицийские поляки не должны противопоставлять себя галицийским русинам, а должны сделать их своими союзниками в борьбе с Россией.

Для реализации этой концепции и противодействия Головной руськой раде польские помещики сформировали в конце мая 1848 года новую польско-русинскую организацию как бы русинофильской направленности — Руський собор. И, как оказалось, очень вовремя. Когда летом 1848 года Головна руська рада обратилась к императору и в венский парламент с предложением разделить Галицию на две части — польскую Западную и русинскую Восточную, Руський собор от лица русинов направил в парламент решительный протест против такого раздела.

Подлинными целями Руського собора весьма прозрачно предьявлялись на страницах рупора этой организации — газеты «Дневник руський»: «А Польша приобретает, отдавая справедливость русинам, для себя народ, который с ней вместе как две сестры родные будет сиять на горизонте политики европейской. <...> Дело это будет подлинным шагом вперед, ибо под новое знамя встанет 22 млн человек... Дело это будет в себе носить зародыш гибели для царизма, ибо приему Малой-Руси и Польши последуют Бела-Русь и Велика-Русь... Пусть Русь действует в интересах Руси, Польша — в интересах Польши, и обе они — ради общего интереса, тогда падет северный колосс...»

Руський собор хотел сначала пробудить в галицийских русинах враждебность к России. А затем сподвигнуть российских малороссов встать на сторону поляков и братьев-русинов в борьбе с Россией. Одновременно Руський собор препятствовал разделу Галиции, поскольку поляки не намерены были терять Восточную Галицию.

Вышеупомянутый Лев Сапега, соратник Александра Фредро, принимал в работе Руського собора самое деятельное участие. Кстати, он был напрямую связан с теми самыми эмигрантскими польскими кругами Франции, которые протранслировали галицийским полякам идею «дружить с русинами против России». Сапега доводился шурином Адаму Ежи Чарторыйскому (о нем речь впереди) — виднейшему деятелю польской эмиграции, обосновавшемуся во Франции: женой Чарторыйского была Анна София Сапега, сестра Льва Сапеги.

Вот тот круг, в который входил дед будущего митрополита Андрея Шептицкого по материнской линии.

В 1852 году Александр Фредро был обвинен в государственной измене за видную роль в революции 1848 года. Его сын Ян за участие в венгерской революции тоже был обвинен в государственной измене.

Семья Фредро была вынуждена бежать в Париж и некоторое время жила там. Фредро возвращался в Париже в польских кругах, близких к «Отелю Ламбер». Так называлась верхушка польской эмиграции во Франции, сделавшая парижский особняк Ламбер своим политическим штабом и культурным центром. Главой этой группы являлся вышеупомянутый князь Адам Чарторыйский. Шурином Фредро Людвик Яблоновский, брат его жены Софии, позже даже обвинял зятя-драматурга в том, что «кроме польскости, не всегда ясной, у него не было фиксированной точки опоры» и что он «в каждом случае смотрел на Отель Ламбер и оттуда безоговорочно принимал лозунги».

Фредро оправдали в 1854 году, но вернуться во Львов он только пару лет спустя. После своего возвращения Фредро быстро восстановил утраченные общественные позиции: уже в 1861 году он становится депутатом тогда же образованного Галицийского краевого сейма. Умер Фредро во Львове в 1876 году.

А теперь перейдем к дочери Александра Фредро Софии, матери Андрея Шептицкого.

Своей дочери Александр Фредро дал европейское образование. София училась в Париже и Вене, свободно владела французским и немецким языками, занималась живописью, пробовала себя на литературном поприще. Проживая в Париже, София, как и ее отец, сблизилась с «Отелем Ламбер».

Тут надо сказать, что возглавлявший «Отель Ламбер» Адам Чарторыйский был горячим сторонником восстановления Речи Посполитой в границах до 1772 года. После произошедшего в 1794 году польского восстания имения родителей Чарторыйского были конфискованы русской короной. Екатерина II согласилась вернуть Чарторыйским часть имущества при условии, что Адам и его брат Константин переедут в Россию и поступят на службу. Оказавшись в России в роли полузаложенника, Адам вскоре стал другом будущего императора Александра I. После прихода Александра к власти Чарторыйский сделал карьеру при русском императорском дворе, вершиной которой была должность главы внешнеполитического ведомства. Этот пост он занимал с 1804 по 1806 год.

Но даже в этот период превыше всего для него были интересы Польши. Чарторыйский оказал существенное влияние на принятие решения о заключении союза России с Австрией и Англией и объявлении войны Наполеону. В надежде на победу он продвигал проект территориального пере-

Юлиус Коссак. Александр Фредро под Хану в 1813 году. 1883

Продолжение на стр. 14

ВОЙНА ИДЕЙ

Продолжение. Начало — на стр. 12–13

дела Европы, результатом которого должно было стать восстановление — пусть и под российским протекторатом — Речи Посполитой. Неудачи третьей антифранцузской коалиции привели к охлаждению между императором Александром и Чарторыйским. В 1806 году Чарторыйский ушел с поста министра и через несколько лет покинул Санкт-Петербург. Однако отношения Чарторыйского с императором не были разорваны окончательно. Долгое время они поддерживали переписку, в которой обсуждали польский вопрос. Также с 1803 по 1824 год Чарторыйский сохранял за собой пост попечителя Виленского учебного округа.

В 1830 году Чарторыйский вошел в число руководителей польского восстания против российской власти. После подавления восстания он уехал в Париж, где стал влиятельнейшим членом польского эмигрантского сообщества. Собиравшиеся в «Отеле Ламбер» представители польской эмиграции горячо симпатизировали антироссийской политике европейских стран. К 40-м годам XIX века «Отель Ламбер» становится самой значимой польской эмигрантской группой.

Таким образом, София Фредро, взаимодействовавшая с «Отелем Ламбер», была, как и ее отец, близка к польским кругам, заряженным глубокой ненавистью к России.

В октябре 1861 года София Фредро обвенчалась во Львове с Яном Кантием Шептицким — богатым польским магнатом. Молодожены поселились в имении Прилбичи, расположенном на территории современной Львовской области. Это имение принадлежало роду Шептицких со второй половины XVIII века (его приобрел униатский иерарх Афанасий Шептицкий, епископ Перемышльский). В конце XIX века Ян Шептицкий построил в Прилбичах дворец. Во дворце он создал музей, где была собрана коллекция картин (в том числе семейные портреты), архив, где хранились пергаменты XVI века, богословские русские летописи и другие редкости, а также библиотеку, насчитывавшую около 6000 книг. Ян Шептицкий, как и его жена, интересовался собственной родословной и проводил изыскания на эту тему. В его архиве были собраны данные о родственных связях Шептицких и Фредро с королями Польши и Западной Европы.

Будущий митрополит Андрей, нареченный при крещении Романом Александром Марией, появился на свет в 1865 году. Он стал третьим сыном четы Шептицких. Всё его детство прошло в родительском доме в Прилбичах. Атмосфера высокой западной культуры... Семейные портреты... Награды деда Александра Фредро за участие в русской кампании Наполеона... Мальчик рос, осозная сопричастность своей семьи к мировой истории, и страстно хотел быть продолжателем этой семейной традиции.

Мать была для будущего митрополита непререкаемым авторитетом. Воспитывала Романа по большей части именно она. В шесть лет мальчик уже читал и писал по-французски. Кстати, основным языком, на котором впоследствии сын переписывался с матерью, был французский.

Религиозным образованием Романа мать начала заниматься также очень рано. В этом Софии Шептицкой помогал ее духовник Генрих Яцковский, ставший с 1881 года провинциалом (главой) галицийского отделения ордена иезуитов. Яцковский стал духовником и Романа Шептицкого.

В 1882 году Яцковскому была поручена реформа униатского ордена василян. А поскольку проект «Украинская грекокатолическая церковь» в дальнейшем реализовывали именно василяне и Андрей Шептицкий взойдет в будущем на митро-

политический престол как их представитель, необходимо понимать, что же представлял собой этот орден.

Орден василян

Василянами называются несколько грекокатолических монашеских орденов. Все эти ордена придерживаются монастырского устава, приписываемого св. Василию Великому. Такие ордена есть, например, в Италии и в Ливане. Но нас интересует украинский орден василян.

Пожалуй, основной причиной возникновения этого ордена стала тщетность попыток верхушки грекокатолической церкви, появившейся вследствие подписания в 1596 году Брестской унии, взять под контроль на территории Речи Посполитой влиятельные православные монастыри. Православных монахов не удавалось убедить ни словом, ни силой.

«Мотором» создания нового ордена выступили иезуиты. Орден был учрежден в июле 1617 года на собрании первого униатского капитула. Иезуиты присутствовали при этом событии в статусе консультантов. Новый орден стал в некотором роде «калькой» с ордена иезуитов, его двойником. Он фактически и был замыслен как «иезуитский орден восточного обряда». Многие члены ордена василян либо обучались в иезуитских школах, либо изначально были иезуитами, а затем целенаправленно, по согласованию с папой римским, перешли в униатство. На раннем этапе существования ордена иезуитам принадлежали в нем многие важные должности. Духовниками в первых общинах василян также были иезуиты.

Орден василян быстро распространился в восточных областях Речи Посполитой, где немалая часть населения признала унию. Задачей василян была прозелитическая деятельность среди тех, кто сохранил верность православию.

Однако, помимо обращения православных в униатство (то есть расширения католического влияния), орден по большому счету призван был сформировать саму эту новую церковь. Постепенно Ватикан полностью взял под контроль «кадровый состав» униатов. На ключевые посты в униатской церкви назначались только те, кто обучался в школе василян и тем самым прошел проверку на надежность. Напротив, случайные лица из римско-католической среды лишались возможности бесконтрольно пополнять ряды униатских иерархов.

С конца XVII века начинается процесс централизации василянских монастырей на русинских землях.

В 1705 году Святой престол предложил нунцию в Варшаве «всех монахов подчинить власти протоархимандрита Русинов (т.е. власти главы русинского ордена. — Авт.) св. Василия». Видя благоволение со стороны Рима, член ордена василян львовский епископ Варлаам Шептицкий — дальний родственник митрополита Андрея — собрал в 1711 году в Уневе настоятелей василянских монастырей Львовской епархии, постановивших объединить василянские монастыри. Решение это тогда не было утверждено Святым престолом по причине сопротивления Литовской конгрегации василян и варшавского нунция.

В 1720 году в Замойском соборе активное участие принял племянник Варлаама Шептицкого, унаследовавший его епископскую кафедру, Атанасий Шептицкий. Собор постановил, «чтобы все монастыри Владимирской, Луцкой, Холмской, Львовской и Перемышльской епархий в течение года объединились в одну Конгрегацию». Новая конгрегация должна была получить право самостоятельно избирать своего главу — протоархимандрита. Против ее

Яньский и четверо из семи его последователей — основателей Ордена воскресенцев (сверху по часовой стрелке): Богдан Яньский, Петр Семеновенко, Карл Качановский, Юзеф Хубе, Иероним Кайсевиц

создания тут же ожидаемо выступила Литовская конгрегация, потребовавшая подчинить новоявленную конгрегацию своему протоархимандриту. Вопрос оказался надолго подвешен.

И только 19 лет спустя, в 1739 году, по инициативе всё того же Атанасия Шептицкого, ставшего к тому моменту митрополитом, во Львове собрался капитул, подтвердивший решения Замойского собора. Образовались две провинции василян: Польская (она же Руськая) и Литовская. Все униатские приходы были подчинены ордену. Таким образом, централизация ордена василян в значительной степени является заслугой рода Шептицких.

В 1744 году папа Бенедикт XIV наделил главу ордена василян исключительными правами, которыми ранее пользовался только генерал ордена иезуитов: протоархимандрит василян выводился из подчинения местной церковной администрации и подчинялся напрямую папе римскому, которому и приносил личную присягу.

В течение всего XVIII века василяне стремительно наращивали свое присутствие и влияние в Галиции и на Правобережной Украине. Ордену принадлежали четыре типографии (в том числе самая большая — в Почаевском монастыре). Следуя примеру иезуитов, они организовывали школы, воспитывали и обучали молодежь. А когда в 1773 году орден иезуитов был распущен, в ведение василян перешло несколько иезуитских коллегий. К концу XVIII века в их руках находилось также не менее 25 училищ.

Наступательное продвижение ордена василян было осложнено и заторможено в связи с разделом Речи Посполитой. В 1780 году две вышеназванные провинции василян распались на четыре:

1. Литовскую;
2. Польскую, или Руськую — в составе Речи Посполитой (окончательно прекратившей свое существование при третьем разделе, в 1795 году);
3. Белорусскую, которая отошла к России;

4. Галицкую, «доставшуюся» Австрийской империи.

В 1804 году император Александр I упразднил звание протоархимандрита ордена василян. Лишившись главы, разделенный на четыре провинции орден утратил централизованное управление.

В 1831 году, во время польского восстания, монахи-василяне Почаевского монастыря поддержали восставших. А в 1839 году Полоцкий собор отменил Брестскую унию: униатская церковь на территории Российской империи была упразднена, за исключением Холмской епархии, находившейся на территории Царства Польского. Холмская провинция стала последним оплотом василян в России.

В 60-е годы в Галиции возникло так называемое обрядовое движение, выступавшее за очищение униатского обряда от позднейших латинских напластований. Члены этого движения были против запрета священникам носить бороды, длинные волосы, рясы и клобуки, против отсутствия иконостасов в церквях и т.д. На территории католической Австро-Венгрии восстановить такую обрядовую чистоту было делом нелегким. И тогда большая группа униатских священников устремилась в Холмскую епархию — последний оплот униатства на территории Российской империи, — где сильно преуспела в своих инициативах.

В 1873 году один из галицийских эмигрантов отец Маркелл (Попель), ставший к тому моменту администратором Холмской епархии, потребовал от подчиненных ему приходов перейти в очищенный обряд. Папа римский ответил буллой, обвинив Попеля в проведении схизматической литургии. Тогда в 1875 году Холмская епархия поголовно перешла в православие.

Прецедент был опасен и для Ватикана, и для Габсбургов. «Мы вернули себя и наших братьев в Холме в лоно русской церкви и русской национальности. Мы выиграли битву, которая не решалась веками. Мы смогли одержать победу над полонизмом и ультрамонтанством», —

ВОЙНА ИДЕЙ

писали вернувшиеся во Львов эмигранты в русофильской газете «Слово» осенью 1875 года. И выражали уверенность, что в дальнейшем «укрепят русское Православие, которое установили (имелось в виду, в Холме. — Авт.)». Переход Холмской епархии в православие послужит толчком как к реформе василянских монастырей, так и к репрессиям австрийских властей против русофилов.

В декабре 1881 года Климент Сарницкий, глава галицийских василян, обратился к папе римскому Льву XIII с просьбой реформировать орден.

В мае 1882 года папа, считавший, что необходимо не только реформировать василян, но и придать новое дыхание униатству в целом, издал апостольское послание *Singulare graesidium*, поручив в нем реформу василянских монастырей иезуитам. Эту реформу впоследствии стали называть Добромильской, поскольку одним из первых центров ее проведения стал Добромильский монастырь.

Отметим, что орден иезуитов находился с Россией в очень непростых отношениях.

Когда в 1773 году этот орден был запрещен Ватиканом во всех европейских странах, именно в России он нашел пристанище.

В 1814 году папа полностью реабилитировал орден.

Вскоре после этого, в 1816 году, в России вышел указ о выселке иезуитов из Санкт-Петербурга. Издания этого указа добился князь Голицын, обер-прокурор Святейшего правительствующего синода, будущий министр духовных дел и народного просвещения, после того как иезуиты обратили в католицизм его родного племянника. Дело в том, что иезуиты в нарушение условий, оговоренных с властями принявшей их Российской империи, развернули на ее территории прозелитическую деятельность. Причем с особым рвением они обращали в католицизм именно представителей знатных и влиятельных российских фамилий.

В 1820 году орден иезуитов был окончательно изгнан из России.

И вот иезуитам-то в 1880-е годы и поручили реформирование ордена василян.

Конкретно эту задачу папа римский возложил на главу галицийского отделения ордена иезуитов Генриха Яцковского — духовника Софии Шептицкой и ее сына Романа, будущего митрополита Андрея.

Тут нельзя не отметить, что, помимо иезуитов, активное участие в проведении реформы ордена василян принял орден воскресенцев. Об этом ордене также необходимо сказать несколько слов.

Как уже говорилось, после провала восстания 1830 года многие его участники осели в Париже, где центром польской эмиграции стал «Отель Ламбер» во главе с князем Адамом Чарторыйским. В круг «Отеля Ламбер» входили дед митрополита Шептицкого Александр Фредро и его мать София. Близок к «Отелю Ламбер» был и великий польский поэт Адам Мицкевич. В Париже он познакомился и подружился с будущим основателем ордена воскресенцев Богданом Яньским. Мистическое мировоззрение Мицкевича оказало большое влияние на Яньского.

В 1834 году Яньский и Мицкевич создали кружок, сочетавший поиски мистического озарения с мечтами о возрождении Польши. Однако долго этот кружок не просуществовал.

А уже в 1835 году Яньский задумал создание новой организации, ставшей прообразом ордена воскресенцев.

В 1836 году Яньский вместе со своими учениками Петром Семененко и Иеронимом Кайсевичем создал группу «Братство национального служения», или «Дом Яньского» (*Domek Jańskiego*). Хотя Мицкевич не являлся членом данной протомонашеской группы, но именно он просил у Чар-

торьского выделить деньги на съем жилья для «братьев».

Яньский рассматривал духовные искания своего кружка сугубо в контексте национально-освободительной борьбы Польши: «*Глядет на небо* (то есть на Бога. — Авт.) *через польское стекло*», — учил Яньский.

В 1838 году Яньский отправил своих учеников Семененко и Кайсевича в Рим с заданием основать колледж для подготовки священников для Польши. В Риме Семененко и Кайсевич основывают «*общезитие с монастырскими порядками*». В 1840 году туда приезжает и уже тяжело больной туберкулезом Яньский, который вскоре умирает. На его надгробной плите начертано: «*Светлой памяти Богдана Яньского, первого открыто кающегося и апостола польской эмиграции во Францию*».

27 марта 1842 года в катакомбах церкви св. Себастьяна в Риме семь последователей Яньского — Петр Семененко, Иероним Кайсевич, Эдуард Дунский, Юзеф Хубе, Ипполит Терлецкий, Владислав Годлевский, Карл Качановский — дали монашеский обет и учредили новый орден. Когда они вышли на свет, то услышали звон колоколов, возвещавших Пасху. Так родилось, согласно официальной легенде, название конгрегации — орден воскресенцев (полное название — Конгрегация Воскресения Господа нашего Иисуса Христа).

Параллели с учреждением ордена иезуитов бросаются в глаза. Первых иезуитов тоже было семь, и они тоже учреждали свой орден в катакомбах церкви. Такие важные для ордена воскресенцев положения, как «*контроль над мыслями, поступками, чувствами каждый день*», медитативное отношение к молитве, — всё это говорило о серьезном влиянии иезуитов. На близость устава воскресенцев к иезуитскому уставу указывали многие, в том числе и воскресенец Ипполит Терлецкий.

Община Яньского стала для «Отеля Ламбер» своеобразным римским штабом. К примеру, в 1841 году во время своей поездки в Рим в общине остановился один из ключевых представителей «Отеля Ламбер» Михаил Чайковский с важнейшим поручением от Чарторыйского. Семененко тогда устроил ему встречу с генералом ордена иезуитов Яном Ротаном. Чайковский так описывал встречу генерала с Семененко: «*Ксендз Семененко упал перед ним (генералом иезуитов Ротаном. — Авт.) на колена и поцеловал его ногу; генералу пришлось поднять его, ибо иначе он так и застыл бы у ног его предобия*».

Позже воскресенцы будут всё больше отходить от иезуитов и между конгрегациями даже возникнет соперничество.

Именно воскресенцы изначально продвигали идею нового крестового похода Ватикана на восток.

Когда в 1846 году на престол взошел новый папа Пий IX, к нему обратился воскресенец Кайсевич с проектом увода в унию восточных церквей.

В том же году несколько аудиенций с папой имел еще один из основателей ордена воскресенцев Ипполит Терлецкий. Он развернул перед папой целый унионный проект: вести работу с православными через униатов, а не напрямую через католиков; готовить местные кадры для униатских церквей в славянских землях; восстановить «*чистоту восточного обряда*», очистить

его от поздних латинских напластований; уравнивать — естественно, лишь внешне — обряды, а также привилегии униатского и католического духовенства; обращать «*главное внимание на славян*» и т.д. Венцом этой программы должно было стать учреждение «*русско-славянского патриархата на правах других патриарших престолов*».

Данную программу, разработанную воскресенцами, включая пункт об украинском патриархате, и будет впоследствии проводить в жизнь митрополит Андрей Шептицкий.

В 1859 году Болгарская православная церковь вступила в конфликт с Константинопольским патриархом. Воспользовавшись этим, «Отель Ламбер» взялся помочь переводу православных Болгарии в унию. Его представители вступили в переговоры с архимандритом Иосифом Сокольским, согласившимся возглавить униатов Болгарии. В Париже создается комитет помощи униатам Болгарии, его работой руководит сотрудник «Отеля Ламбер» Валериан Калинин, который несколько лет спустя вступит в орден воскресенцев. Воскресенцы отправляются в Адрианополь, где разворачивают широкую миссионерскую деятельность и готовят униатских священников. В конце концов воскресенцы увели в унию около 60 тысяч православных Болгарии. Так возникла Болгарская грекокатолическая церковь. В Ватикане признавали, что «*на миссии воскресенцев вся униа в Болгарии держится*». Успехи в Болгарии впечатлили Святой престол, и в 1860 году папа официально признал орден воскресенцев. Болгарский прецедент показал перспективность унионной программы ордена.

Следующей целью «восточного проекта» воскресенцев стал Львов.

В начале 60-х годов XIX века во Львове по распоряжению римской курии находился Ипполит Терлецкий, к тому моменту официально перешедший в орден василян. Именно Терлецкий стал одним из инициаторов вышеупомянутого «обрядового движения» в Галиции, идея которого была выдвинута им еще в 1846 году в представленной папе унионной программе. Терлецкий призывал реформировать орден василян, очистив его от латинизмов и полонизмов. Между тем в Галиции циркулировали слухи, что он являлся тайным агентом Рима. Так, в 1870 году русофильское «Слово» напишет, что Терлецкий находится в тайном шпоре с поляками. Газета разоблачала лживость его призывов к обрядовому очищению: «*Очищение*

обрядов есть только хитрость ляцкая, чтобы русинов дискредитовать в глазах правительства и Рима».

В 1880 году, после событий в Холме, воскресенцы получили разрешение от папы Льва XIII и императора Австро-Венгрии Франца Иосифа I осесть в Галиции. Воскресенцы строят во Львове комплекс зданий монастыря на Пекарской улице и открывают при монастыре «русский интернат», готовящий как католических, так и униатских священников. Покровительницей интерната становится Марселлина Чарторыйская, представительница «Отеля Ламбер» в Кракове.

Однако в 1882 году, после перехода села Гнилички в православие, Ватикан начинает склоняться к тому, что реформу василянских монастырей нужно проводить быстро и при помощи иезуитов.

В связи с этим была создана специальная комиссия, призванная утвердить реформу. В июне Добромильский монастырь св. Онуфрия передали Обществу Иисуса. Иезуиты пытались отстранить воскресенцев от участия в происходящем и предложили свой план реформы, альтернативный их плану. План этот, представленный иезуитом Генрихом Яцковским, де-факто подразумевал превращение василян в католический орден.

Семененко осознавал опасность плана Яцковского для унионного дела. Понимая бесперспективность лобовой атаки на иезуитов, воскресенцы, действуя через своих людей на папу, сумели скорректировать реформу василян. Основную идею своего проекта реформы Семененко выразил в переписке с другим воскресенцем, Калинкой, так: «*Василяне должны быть василянами, а не кем-то еще*».

В 1882 году, передав иезуитам основную роль в проведении Добромильской реформы ордена василян, папа Лев XIII вместе с тем лично поручил генералу воскресенцев Семененко участвовать в ее проведении.

Добромильская реформа, порученная иезуитам, но скорректированная согласно представлениям воскресенцев о самобытности василян и унии в целом, предполагала:

- во-первых, создание во Львове мощного грекокатолического духовного центра, который смог бы оказывать безоговорочное влияние на состояние умов и душ русинского населения Галиции;
- во-вторых, выбор главы украинских грекокатоликов, способного реализовать «восточную политику» Ватикана, которой воскресенцы придали новое звучание (напомним, что Ватикан веками сохранял в отношении России экспансионистские устремления);
- в-третьих, массовую подготовку униатского духовенства в «правильном ключе». Местные униатские священники зачастую не только не занимали непримиримой позиции в отношении православных и русофилов, но и симпатизировали русофилам, а то и поговаривали о принятии православия. Православные русины всё еще оставались для местных грекокатоликов (тоже по преимуществу русинов) в гораздо большей степени «своими», чем католики. Ватикану нужно было переломить эти настроения.

Вот эти три задачи и призвана была решить реформа ордена василян, осуществлявшаяся с 1882 по 1904 год.

Добавим, что в те же годы в Риме появилось свое отдельное учебное заведение для украинских грекокатоликов. С XVI века там существовала Папская Греческая коллегия св. Афанасия, в которой обучались священники византийского обряда.

Питер Пауль Рубенс. Игнатий Лойола выбирает учеников в Париже, 1528–1535. 1640

ВОЙНА ИДЕЙ

Продолжение. Начало — на стр. 12–15

Руководили этой коллегией на протяжении многих веков преимущественно иезуиты. В 1897 же году, на фоне проведения василианской реформы, из данной коллегии выделили отдельную Папскую Рутенскую коллегию, которую сразу же отдали также иезуитам (после завершения реформы ее передадут василианам).

Борьба с прорусскими настроениями в Галиции

Ужесточение политики по отношению к коренному населению Галиции ознаменовалось «процессом Ольги Грабарь», начатым в том же 1882 году, что и Добромильская реформа ордена василиан. Борьба с набирающим обороты русофильским движением привела к серии арестов. Поводом стало намерение жителей деревеньки Гнилички чуть ли не в полном составе перейти в православие. Были арестованы лидеры русофильского движения: Адольф Добрянский, его дочь Ольга Грабарь, редактор львовской русофильской газеты «Слово» Венедикт Площанский, грекокатолический священник Иван Наумович и многие другие. Арестованных обвиняли, по существу, в предательстве и антигосударственной деятельности, в намерении «оторвать Галичину, Буковину и Северную Угорщину... от австрийской державы и вызвать опасность для державы извне, бунта или гражданской войны изнутри».

Есть основания считать, что переход села Гнилички в православие был инспирирован австрийскими властями. В любом случае он стал удобным поводом для развязывания в нужный момент репрессий против русофилов.

События развивались следующим образом.

К идее реформы униатской церкви Ватикан уже давно присматривался. Ее необходимость стала очевидна после описанных выше событий в Холме. Разрешение воскресенцам осесть в Галиции было, несомненно, частью подготовки к проведению реформы.

В сентябре — октябре 1881 года галицкий митрополит Иосиф Сембратович самолично совершил инспекцию по василианским монастырям и сообщил в Рим, что они нуждаются в реформировании. Тогда же, в октябре 1881 года, львовские униаты, возглавляемые Стефаном Качалой, выступили резко против появившихся в Галиции воскресенцев, и стало ясно, что своими силами воскресенцы провести реформу не смогут.

Сембратович предложил Риму «мягкий» вариант реформы василиан под его собственным контролем. Вот тогда-то и становится известно о желании жителей села Гнилички перейти в православие. Произшедшее побудило Ватикан сделать ставку на «жесткий» вариант реформы, предложенный главой василиан Климентом Сарницким совместно с уже не раз упоминавшимся провинциалом галицийских иезуитов Генрихом Яцковским, и опереться в проведении реформы на иезуитов.

Австрийское правительство устроило вокруг случившегося в Гниличках яркий публичный процесс, широко освещавшийся как в местных галицийских, так и в венских газетах. Характерно, что большинство арестованных отпустили еще до суда, многие подсудимые были оправданы. К самому большому сроку — восьми месяцам тюрь-

мы — был приговорен Иван Наумович, один из главных представителей русофильского движения Галиции, поддержавший крестьян Гниличек в их желании перейти в православие.

Воспользовавшись делом Ольги Грабарь, австрийские власти начали настоящую охоту за сторонниками очищения униатского обряда по всей Галиции.

Сопrotивление вмешательству иезуитов в реформу ордена василиан ожидаемо оказал митрополит Иосиф Сембратович. Отметим, что при этом Сембратович отнюдь не был русофилом. Его назначение в 1870 году митрополитом Галицким было воспринято русофилами как передача церковного престола явному ставленнику Ватикана. Русофильская газета «Слово» писала о «митрополите, присланном из Рима», и предупреждала, что «терпение имеет свои пределы». Сембратович, однако, не смог сдержать роста русофильских настроений и остановить тенденцию к «обратному» переходу в православие.

Возражали против вмешательства иезуитов и монахи-василиане. Не будем забывать, что, хотя орден василиан находился в упадке, несколько монастырей ордена в Галиции всё же существовали. Передачу Добромильского и других василианских монастырей под контроль иезуитов большинство монахов не поддержало.

Ватикан и австрийские власти быстро подавили сопротивление. Сембратович был отстранен от митрополичьей кафедры. Благодаря ряду ухищрений иезуитам удалось значительно усилить свои позиции в ордене василиан и в целом среди униатов Галиции.

Итак, Ватикану необходимо было не только добиться перехода православных русинов в лоно грекокатолической церкви, но и подчинить всех галицийских униатов ордену василиан, контролируемому Римом. Чтобы это осуществить, требовалось найти подходящую фигуру на роль главы украинских грекокатоликов.

Мы не знаем доподлинно, кто остановил свой выбор на кандидатуре Романа Шептицкого. Но очевидно, что тут не обошлось без его духовника и покровителя Генриха Яцковского — главы галицийского отделения ордена иезуитов, ответственного за реформу ордена василиан.

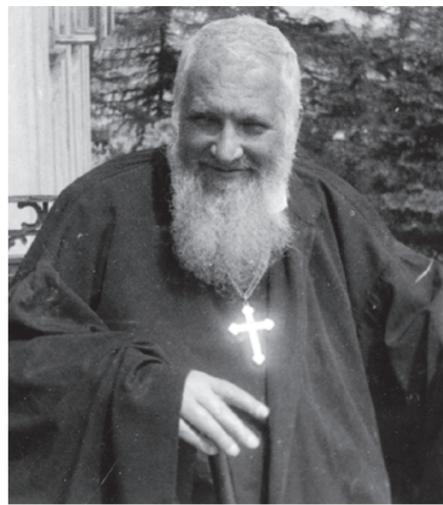
А теперь вернемся к биографии Романа Шептицкого. И начнем с периода, когда он покинул родной дом и отправился на обучение.

Андрей Шептицкий: от униатского монаха до митрополита

В 1879 году Роман Шептицкий окончил гимназию Франца Иосифа во Львове. Продолжил обучение он в гимназии св. Анны в Кракове.

В то время, как мы видели выше, в Галиции начинается разгром русофильского движения. Инициировав в 1882 году Добромильскую реформу, подчинив василиан иезуитам, Ватикан последовательно проводит в жизнь «восточный проект». Остается лишь подготовить достойного кандидата на роль главы грекокатоликов.

В 1883 году, окончив гимназию св. Анны, Шептицкий отправляется с Генрихом Яцковским на реколлеции (духовные упржнения — молитвы, медитации) иезу-

Андрей Шептицкий

итов. Во время реколлеций он впервые приходит к мысли (или в нем пробуждают эту мысль) о переходе в униатство.

Мать решение сына восприняла тяжело. Шептицкие, как и вся польская знать, относились к русинам и их религии (а многие русины были грекокатоликами) с пренебрежением. София Шептицкая доверяла духовнику, который, как мы уже говорили, наверняка был причастен к этому решению, но перспектива перехода сына в грекокатолицизм ее пугала. Позже она писала:

«С давних времен я видела, как про русинское духовенство говорят с пренебрежением, что оно заслуживало своими недостатками и бездонной темнотой... и обычаями. Обряда (грекокатолического. — Авт.) я не знала совсем, я видела только его представителей в самом низшем отвратительном общественном слое, [видела], что в том сословии призывали примитивизмом, а то, что не было темным и диким, долгие годы выступало как враг Римско-католической церкви и польской национальности. Поэтому ничего удивительного, что сегодня всё, — всё, что я даже не осознавала, что помню, какие-то речи в сейме, какие-то политические дискуссии, смешанные с грязными, возмутительными анекдотами о русинских священниках, все пренебрежительные высказывания и шутки, которые когда-либо я слышала, всё это шипело вокруг меня, как змеи, поднимало головы... и хотело вырвать у меня ребенка и утопить в бездне своей грязи».

В октябре 1883 года Шептицкий идет на военную службу, но из-за болезни уже в 1884 году покидает армию. Осенью 1883 года, одновременно с началом службы, он поступает на юридический факультет Ягеллонского университета в Кракове. В 1885–1886 годах Шептицкий учится в Германии в университете Бреслау также на юридическом факультете. Потом снова возвращается в Ягеллонский университет.

В 1886 году с подачи Яцковского Шептицкий отправляется в Рим, вооружившись рекомендательными письмами, и знакомится там с рядом высокостатусных лиц. Прежде всего он удостоивается аудиенции у папы Льва XIII (который придавал огромное значение «восточному проекту»).

Лето 1887 года Роман проводит в основанной Яцковским иезуитской коллегии в Хырове (на территории современной Львовской области), а в середине августа отправляется в Добромильский монастырь.

Осенью он едет в Россию, где активно общается с представителями прозападной

интеллигенции сначала в Киеве, а затем в Москве. Там Шептицкий также знакомится с философом Владимиром Соловьевым, который к тому времени уже озвучил публично свою идею о необходимости восстановления церковного единства.

После окончания университета он отправляется в Рим, и 8 февраля 1888 года его представляют на общей аудиенции папе Льву XIII. Затем Роман совершает поездку в монастырь Монтекассино.

София Шептицкая вспоминала: «Перед вступлением в новициат Роман отбыл подготовительные реколлеции в старейшем Бенедиктинском монастыре в Монтекассино. Там пережил он тяжелый иску, как сам рассказывал: «Это была страшная минута... Во время молитвы завладело мной вдруг глубокое осознание-образ такой мощи и величавости латинской Церкви, ее красоты и духовных сокровищ, что мне казалось, что я не смогу от нее оторваться и вне ее НЕ смогу служить Богу. И всё начало шататься и рушиться во мне...»

А в марте 1888 года папа уже принимает Шептицкого вместе с его матерью Софией на личной аудиенции. Лев XIII благословляет Романа на столь необходимую Ватикану миссию.

Вернувшись в Краков той же весной, Шептицкий получает степень доктора права, а в июне отправляется в Добромильский монастырь и вступает в орден василиан. Здесь после прохождения новициата, который длился немногим более двух месяцев, 13 сентября Роман принимает монашеское имя Андрей. После чего едет в Рим, где снова удостоивается аудиенции Льва XIII.

Вступив в орден василиан, Шептицкий начинает делать стремительную церковную карьеру.

В августе 1892 года Шептицкий принимает в Кристинопольском монастыре пожизненные обеты. А 3 сентября в Перемышле его рукополагают в священники.

В 1892–1894 годах он получает богословское образование в иезуитском колледже в Кракове.

Начав с должности простого наставника в Кристинополе, в 1895 году Шептицкий становится субприором (помощником настоятеля) монастыря в Добромиле, библиотекарем и преподавателем греческого языка, а уже в следующем, 1896 году, его назначают игуменом монастыря св. Онуфрия во Львове.

В 1897 году Шептицкий инициирует издание ежемесячного религиозного журнала «Миссионер», ориентированного прежде всего на русинов.

В 1898 году Шептицкий становится профессором нравственного и догматического богословия в Кристинополе. Кроме того, его назначают на епископскую кафедру в Станиславове (ныне Ивано-Франковск). Во время своего епископства Шептицкий начинает там строительство духовной семинарии (оно будет закончено в 1907 году).

В 1900 году умирает митрополит Галицкий Юлиан Сас-Куиловский. И 35-летнего Шептицкого по воле папы Льва XIII назначают новым митрополитом Галицким, архиепископом Львовским и епископом Каменец-Подольским. С момента его вступления в орден василиан прошло всего 12 лет.

(Окончание следует.)

Газета «Суть времени» зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77–50554 от 9 июля 2012 года

Учредитель: Кургинян С. Е.
Издатель: МОФ «Экспериментальный творческий центр» (Центр Кургиняна), Садовая-Кудринская, д. 22/21, стр. 1–2, г. Москва, Россия, 123001
Главный редактор: С. Е. Кургинян

Адрес редакции:
Садовая-Кудринская, д. 22/21, стр. 1–2, г. Москва, Россия, 123001
Тел. редакции: (495) 691–50–03
Отпечатано в филиале ОАО «ПФОП» «Волоколамская типография», ул. Парковая, д. 9, г. Волоколамск, Московская обл., 143600

Заказ № 3006-23
№ 549 (549) от 30.08.2023
Время подписания в печать:
по графику — 10:00,
фактическое — 10:00
Тираж 8 000, цена свободная